

СПЕЦВЫПУСК

МАРТ/2018
УКРАИНА

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№3 (144)

СЕКРЕТЫ КУЛЬТУРЫ

**МАРИНА
ГОЛУБ**

ЖЕНЩИНА ПРАЗДНИК

В НОМЕРЕ:

ДИНАСТИЯ

2

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ

10

КУМИРЫ

14

ВОСПОМИНАНИЯ

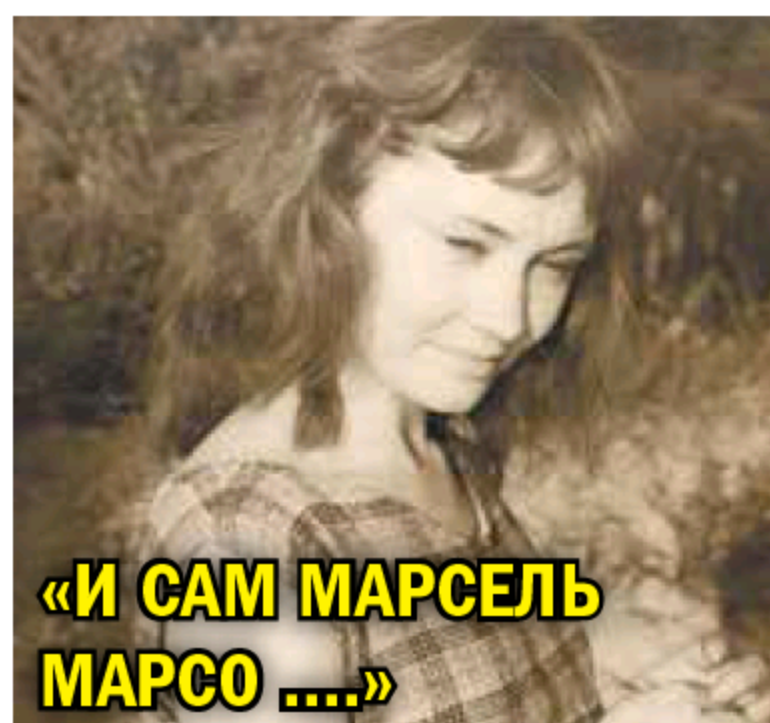
18

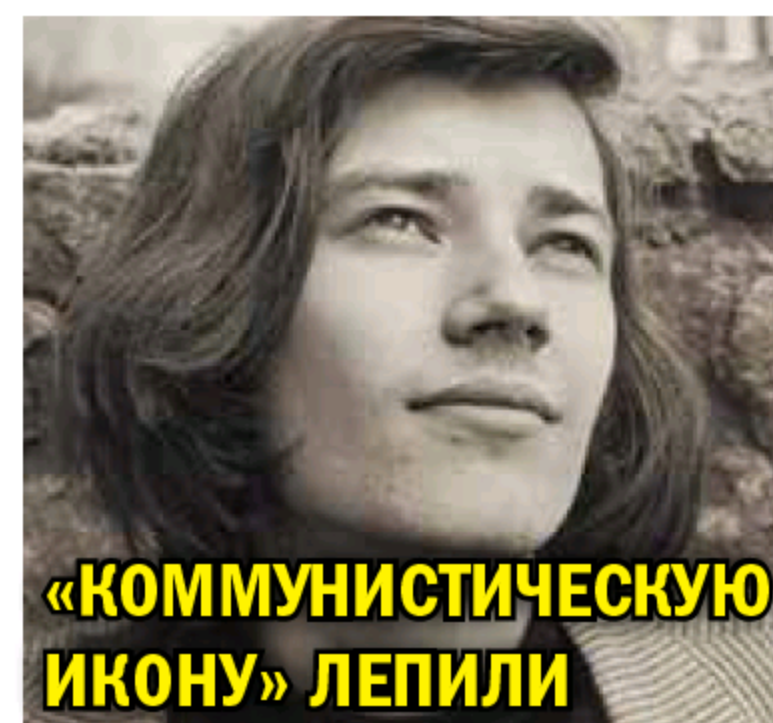
**СЫН «СОВЕТСКОГО
МОЦАРТА»**

**ПРИЛЕТИТ ВДРУГ
ВОЛШЕБНИК**

**«И САМ МАРСЕЛЬ
МАРСО ....»**

**«КОММУНИСТИЧЕСКУЮ
ИКОНУ» ЛЕПИЛИ**

ISSN 2070-884X

1 8 0 0 3

9 17720701884002

СЫН «советского Моцарта»

Максим Дунаевский: «Представляете, как удалось испортить вкусы людей до такой степени, что у нас уже Стас Михайлов и Елена Ваенга становятся кумирами»

Андрей КОЛОБАЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Максим Дунаевский — уникальный случай, когда композиторская династия получила достойное продолжение. Сын великого Исаака Дунаевского, которого при жизни называли «советским Моцартом», сам уже почти 40 лет — один из лучших маэстро страны. Причём, как и отец, знаменит в первую очередь своими песенными шедеврами. Среди них — вечные хиты из кинофильмов «Д'Артаньян и три мушкетёра», «Мэри Поппинс, до свидания!», «Карнавал», «Ах, девицы, девицы...» и многие-многие другие... К своим 73 годам (15 января — день рождения) Максим Дунаевский написал музыку к 20 мюзиклам и более чем к 80 фильмам, успев поработать в Голливуде, семь раз женился. Он — отец четверых детей, заядлый теннисист и неоднократный победитель турниров «Большая шляпа», glamorous и амурный герой глянцевого журналов, непременный член жюри всевозможных песенных конкурсов и фестивалей.

Но это, так сказать, верхушка — видимая часть этой «глыбы». На самом деле при всей своей нынешней успешности и популярности жизнь Максима Исааковича никогда не была ни ровной, ни лёгкой. Даже громкая фамилия по большому счёту не принесла ему дивидендов — более того, за право её носить ему ещё пришлось побороться с системой, а потом ещё долго доказывать работой, что он её носит не зря. И каждый раз только недюжинные бойцовские качества его выручали.

Например, в смутные 90-е, когда в России «умерло кино», он отправился покорять Америку. Там тоже порой приходилось несладко. Однажды порывы трепетно творческой, далёкой от бизнеса натуры привели к тому, что «американский проект века» лопнул и он с компаньонами остался без единого цента за душой. Но Дунаевский взялся за другой проект, третий... В конце концов в Universal Studio ему предложили написать музыку к ныне культовому голливудскому фильму «Запах женщины» с Аль Пачино. И Максим Исаакович написал бы шедеврально — уж лучше Томаса Ньюмана. Но тогда его участие в проекте сорвалось из-за случайности, ерунды — отсутствия конкретно в тот момент американской визы... Зато кто знает, появились ли сегодняшние популярные российские мюзиклы «Мата Хари: Любовь и шпионаж» или «Алые паруса», если бы маэстро остался в Голливуде?!

Наряду с редким бойцовским духом у Дунаевского слава «генератора позитива» и человека безупречного добродушия. Речь даже не о том, что от всех своих жён он уходил, что называется, «налегке», хотя и эта особенность — довольно штучная в среде публичных людей. Был случай, когда ночью из-за газовой аварии на участке дотла сгорела отцовская дача, а сам он успел выпрыгнуть в окно и спастись — чудом! Но это не помешало в тот же день, когда хороший знакомый напомнил об обещании достать билеты в Большой театр, молча, без всяких жалоб «хотя бы на неважное настроение» отправиться добывать билеты. Этот знакомый (кстати, бывший врач-психиатр), отойдя от шока, узнав о ночном происшествии, поставил Дунаевскому диагноз — «психика идеальная». Согласитесь, это действительно говорит о фундаментальном стержне в его характере.

А ещё Максим Дунаевский — трудяга, каких поискать. Обычно его рабочий день начинается в полдень и заканчивается глубокой ночью. При этом мобильный

ЮЛИЙ ГУСМАН, МАКСИМ ДУНАЕВСКИЙ, ЮДЖИН СКОТТ И ГЕННАДИЙ БУРБУЛИС (СЛЕВА НАПРАВО) — ФИНАЛИСТЫ ТЕННИСНОГО ТУРНИРА «БОЛЬШАЯ ШЛЯПА» В РАМКАХ «КУБКА КРЕМЛЯ». МОСКВА, СПОРТКОМПЛЕКС «ОЛИМПИЙСКИЙ». НОЯБРЬ 1993

телефон всегда занят — разрывают на части продюсеры, организаторы мюзиклов и концертов, журналисты.

...Когда мы договаривались об интервью, на вопрос, как он умудряется столько лет жить в таком безумном графике, темпе, когда успевает писать музыку, композитор рассмеялся: «Да для меня самого это загадка! Но я люблю такой график. Наверное, это и есть сама жизнь!»

ОТЕЦ НЕ БЫЛ «ПРИДВОРНЫМ КОМПОЗИТОРОМ»

— Максим Исаакович, ваш отец, Исаак Дунаевский, был личностью невероятной: композитор номер один Страны Советов, всенародно обожаемый, автор музыки лучших песен своего времени. И вдруг — гонения, нелепо ранний уход в самом расцвете сил, множество слухов и легенд по поводу его смерти, которые живы до сих пор.

— К сожалению, всё это так.

— Считается, что Исаак Осипович попал в опалу из-за печально знаменитого постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 года «Об опере «Великая дружба» Вано Мурадели». Именно оно послужило причиной его травли и в результате сильно ударило по его здоровью?

— Вообще травля отца началась несколько позже. А постановление? Конечно, папа был в группе, кого тогда предали анафеме. Но он пострадал не настолько, как, скажем, Дмитрий Дмитриевич Шостакович или Сергей Сергеевич Прокофьев — наши классики серьёзной музыки. Другое дело, что в СССР фактически запретили джаз,

вообще всякое, по их терминологии, «подражание Западу», а папу явно относили к «эпигонам западной музыки». И эта «система разгibasа саксофонов», как я это называю, на него очень негативно подействовала. Но тем не менее он продолжал работать: ему заказывали фильмы, оперетты. В отличие от Шостаковича, которого практически лишили такой возможности. Мелодии Прокофьева были признаны плохими, не соответствующими советской действительности, и он вынужден был писать мелодии советские, «светлые», что, кстати, у него получалось тоже гениально. Это такой вот небольшой экскурс в историю... На самом деле совсем уж откровенная травля началась позже — в начале 1950-х годов — и была инициирована профессором Горьковской консерватории (почему-то!), которую, как я думаю, кто-то специально настропалил. Их «открытое письмо» было опубликовано в газете «Правда», наделало много шума, потом, естественно, попало в ЦК, появились соответствующие статьи во многих газетах.

— В чем суть письма?

— В том, что Исаак Дунаевский — «явление антисоветское».

— Разве он не был любимчиком Сталина, который, как считалось, ему лично покровительствовал?

— Насколько мне известно, нет. Друг нашей семьи Аркадий Исаакович Райкин мне рассказывал, что Сталин не был доволен отцом. Ведь папа не был коммунистом, не писал откровенно пропагандистских песен — про вождя, про партию, он даже в войну писал в основном лирические песни, что вызывало большое недовольство. То есть он не был «придворным композито-

ром». Правда, до поры до времени Сталин не разрешал таких людей, как он, трогать.

А после той публикации в «Правде» «оргвыводы» последовали немедленно. Ему не дали очередного звания — «Народный артист СССР», которого он заслуживал к своему 50-летию. Это был однозначно плевок государства в лицо самому популярному композитору страны. За последние семь лет своей жизни он больше не получал никаких премий, наград. То есть его, так сказать, «отстранили». «Ухватились» за его старшего сына Евгения, моего старшего брата. И это, безусловно, сказалось на здоровье отца — он очень сильно переживал.

— «Ухватились за сына» — это вы про трагический случай, когда во время вечеринки на даче Дунаевского погибла девушка?

— Именно. Тем более что сам Женя был достаточно косвенным участником той дачной истории. Но там были так называемые дети-мажоры — золотая молодёжь того времени. Скандал раздули, пустили слух, что на даче знаменитого композитора творится бог знает что, а самого Женю Дунаевского якобы посадили за изнасилование и даже чуть ли не расстреляли... Конечно, папу цепляли за всё тогда, за что можно было зацепиться. В результате он умер довольно молодым, в 55 лет, в общем-то, от банального приступа ишемической болезни — сердечной недостаточности, при которой его сегодня спокойно бы вытащили. Прихватило сердце, а дома, как назло, не было никого. Он просто не смог дотянуться до лекарства. Но и после смерти его не оставили в покое — в народных массах потом долго жила сплетня, мол, Исаак Дунаевский не выдержал позора и покончил жизнь самоубийством. Впрочем, такие

сплетни бродили в основном по низам. Тем, кто близко знал отца, даже в голову не могло прийти, что он мог уйти из жизни по собственной воле.

— А кому и чем он мешал? Зачем понадобилось распускать сплетни? Тем более когда композитора уже нет в живых...

— Думаю, что это зависть! Зависть к баловню судьбы — к «советскому Моцарту», как его называли. Дух-то его живёт. Произведения исполняются... Ну что вы! Человеческая зависть — это «нормальное» явление во все времена. Причём чем человек более талантлив и талант его открыт всем, тем больше это вызывает озлобления, неприятия. И всегда так было и будет. К сожалению!

— Кстати, ваш сводный брат Евгений сильно пострадал из-за той истории. Казалось бы, блестяще окончил «Суриковку», как художник подавал большие надежды, и вдруг вся карьера пошла под откос — за всю жизнь ни одной персональной выставки.

— Карьера — да, была сильно подпорчена. И плюс сказало, конечно, то, что Женя был совсем не боец по жизни. Он не захотел бороться! Денег на безбедное существование ему хватало. Ведь папа очень много оставил после себя, и большую часть как старшему и законному сыну — ему. Поэтому Женя прожил всю свою жизнь, особо не тревожась о заработках. И это тоже, я считаю, в какой-то степени помешало ему реализоваться в творчестве.

— Вы хотите сказать, что Исаак Дунаевский был богат? Разве это было возможно в СССР?

— Отец был чрезвычайно состоятельным. Даже по нынешним меркам. Он входил в число 10 — 20 творческих людей, которым «разрешалось» быть богатыми. Среди них были, например, Сергей Михалков, из писателей — Валентин Катаев, Михаил Шолохов, из режиссёров — Григорий Александров... Другое дело, что они не могли это использовать, как это можно использовать сегодня, к примеру, купив себе шикарный особняк в Лондоне. Но внутри страны они были очень состоятельными.

— Это правда, что после его смерти пришлось добиваться официального признания вас сыном Дунаевского?

— Да. Несмотря на то что последние 15 лет папа и мама жили вместе (и об этом знали все!), официально он с прежней женой разведён не был, а по законам тех лет женатым не разрешали регистрировать внебрачных детей. Поэтому в моём свидетельстве о рождении долгое время в графе «отец» стоял прочерк. И для того, чтобы меня признали сыном Дунаевского, даже потребовалось специальное постановление Совета министров СССР.

— «Фамильные» неприятности коснулись вас лично в дальнейшем?

— Слава Богу, нет. Во-первых, я тогда был совсем маленьким. Во-вторых, меня сразу взяли под своё крыло соратники отца, которым он сам помогал по жизни, — Марк Фрадкин, Тихон Николаевич Хренников, Андрей Эшпай, Дмитрий Кабалевский... Эти люди не только мои учителя, но и просто мои «крёстные отцы». Они по-настоящему меня пригостили и в дальнейшем помогали мне.

«ОПУС №1. ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕЙ ДОРОГОЙ МАМОЧКЕ»

— Многие состоявшиеся композиторы иногда говорят примерно так: «Если бы не было Моцарта, Бетховена, Баха или Россини — не было бы меня». Если бы Исаак Дунаевский не был вашим отцом, кем бы вы могли стать?

— Как известно, история не любит сослагательного наклонения. Но из всех возможных вариантов, которые появлялись в моём детстве, пожалуй... Например, шофёром! В моём детстве был период, когда я был дико влюблён в машины и мне нравилось крутить баранку. Ещё мог стать

КОМПОЗИТОР МАКСИМ ДУНАЕВСКИЙ НА СВОЁМ ЮБИЛЕЙНОМ КОНЦЕРТЕ В КОНЦЕРТНОМ ЗАЛЕ ИМЕНИ П.И. ЧАЙКОВСКОГО В МОСКВЕ. 2015

спортсменом. Меня тянуло всегда в спорт и тянет до сих пор, несмотря на солидный уже возраст. Я играю много лет в теннис, люблю играть в футбол. И сейчас, если кто-то предложит, с удовольствием погоняю мяч! А в детстве я и в волейбол играл, и в баскетбол, и в хоккей, и лёгкой атлетикой занимался. Правда, всем этим я был вынужден заниматься тайно...

— Почему тайно?

— В семилетнем возрасте у меня обнаружили порок сердца. На самом деле это была такая достаточно популярная врачебная ошибка в то время — возрастной шумок в сердце ребёнка сразу принимали за порок. И начинали немедленно «лечить», то есть обездвиживать, заставляя соблюдать постельный режим и т. д. Точно так было со мной. Мне категорически запретили любые физические нагрузки. Но я был непослушный, поэтому потихонечку ходил в спортивные секции. Причём — вынужденно — в разные. Ведь в одной секции я

долго оставаться не мог — рано или поздно я должен был приносить медицинскую справку, что здоров как бык, которой у меня, разумеется, не было. Я «тянул резину», меня выгоняли, и я переходил в другую секцию. Таким образом я одолел несколько видов спорта. (Смеется.) И даже получал высокие разряды! А потом к 14 годам врачи определили, что никакого порока нет. И никогда не было.

— Задам вопрос по-другому. Вы могли композитором не стать?

— Спокойно! Лет в пять-шесть я занимался музыкой, а потом не захотел. Стало скучно, мне было лень разучивать чужие произведения. И отец не стал меня «насиловать» — он считал, что силком в профессию не втолкнёшь. Он сказал: «Эх, ничего не получится. Пусть уж лучше играет в футбол, как все!» По большому счёту я стал заниматься музыкой только на одиннадцатом году жизни, когда его уже не стало. Вот тут мне вдруг страшно этого захотелось. Самому! И это получилось

естественно, само собой. Поэтому, я думаю, на меня совершенно не повлияла профессия родителя. Я с таким же успехом мог стать, например, балетным, потому что моя мама, Зоя Пашкова, была балериной. Но меня же никто не отдал в хореографическое училище!

— А мысли такие у мамы были?

— Да и не было! И у меня, кстати, по отношению к моим детям нет никаких мыслей. Пусть себя во всём, что хочется, пробуют!

— Признайтесь, кому была посвящена первая ваша мелодия.

— Маме! У меня до сих пор хранится карточка, красиво оформленная, с обложкой, которую я сам сделал, можно сказать, своими руками. Написано: «Две маленькие пьесы для фортепиано». Помню, одна называлась «Маленький вальс». Приписано: «Опус №1. Посвящается моей дорогой мамочке». Мне тогда было лет девять.

МАКСИМ ДУНАЕВСКИЙ И МИХАИЛ БОЯРСКИЙ НА КОНЦЕРТЕ В ЧЕСТЬ 70-ЛЕТИЯ КОМПОЗИТОРА. 2015

— А вы сами верите в гены, наследственность?

— Верю! Только неизвестно, каким образом это проявляется. Может, в следующем поколении. Или через два... Никто этого не может знать точно.

— Вспоминая об отце, вы говорили, что прежде всего запомнили его темпераментным, остроумным, весёлым, с чрезвычайно положительной энергетикой и очень работоспособным, по-настоящему влюблённым в жизнь...

— Ещё папа фантастически умел любить — его отношения с мамой поражали меня пылкостью и свежестью чувств. Родители постоянно держались за руки, целовались — наблюдать это было удивительно. Это одно из ярчайших моих детских воспоминаний.

— Как считаете, что вам передалось от него?

— Наверное, передаются какие-то общие черты характера — и плохие, и хорошие. Из хороших я бы выделил то, что я тоже достаточно оптимистично отношусь к жизни, всегда положительно заряжен на всё, что делаю, потому что без позитивного заряда, скорее всего, ничего хорошего не создашь. И всех окружающих поначалу (порой не подозревая подвоха) воспринимая исключительно в розовых тонах. Из плохих — то, что я всю жизнь прошёл таким... чересчур уж любвеобильным. (Смеется.)

— Разве это минус?

— С одной стороны — хорошо. С другой — некое распыление сил и энергии. Во всём — и в личной жизни, и в творчестве. Так что, думаю, что здесь больше минус.

«ЭТИ ГЛУПЫЕ ПЕСЕНКИ НИКТО НИКОГДА НЕ ЗАПОЁТ!»

— Блестящий мелодист и композитор-лирик Геннадий Гладков начинал свою музыкальную карьеру с того, что играл на аккордеоне «Мурку» друзьям-уголовникам. Как начинали вы?

— Вот вы спросили, что я унаследовал от отца. Одно общее я знаю точно: он начинал как серьёзный композитор, писал симфонии, балеты, но потом ушёл в кино и музыкальный театр. И у меня та же история. Я окончил теоретико-композиторский факультет Московской консерватории. (О чём, естественно, не жалею: музыкант без академического образования — неполноценный музыкант!) В молодости я тоже писал серьёзную музыку — кантаты, сонаты, циклы романсов, хоры... Но меня всегда тянуло в музыку драматургическую — в кино, театр. Я рано начал работать — в 18 лет. И сразу музыкальным руководителем в эстрадной студии при МГУ «Наш дом» Марка Розовского, Ильи Рутберга и Альберта Аксельрода, откуда вышли много известных ныне актёров и режиссёров. Хотя все мы были очень молодыми: Розовскому было 24 года, мне — 18, но для меня это была, конечно, грандиозная школа жизни, как бы сказал Горький, «мои университеты». Основа основ. Там я начал писать песни и мюзиклы. Да так активно, что до сих пор не могу остановиться.

— Начиная с 1974 года один за другим выходили фильмы с вашей музыкой. А когда вы поняли, что вот она — настоящая слава?

— Известным меня сделал фильм «Д'Артаньян и три мушкетёра». Тогда посыпались заказы, предложения, появилось телевидение... Сразу открылись все двери!

— Сегодня «Пора-пора-порадуемся на своём веку» и «Есть в графском парке чёрный пруд» — настоящие ретрохиты. А ведь поначалу ваши песни, наверное, ругали на чём свет стоит?

— У Ильи Ильфа в «Записных книжках» есть фраза: «50 лет ругали. А потом за это же хвалить будут!» Конечно, не всё, что ругают, потом хвалят. Но во всяком случае это частое явление. У меня даже

МАКСИМ ДУНАЕВСКИЙ НА 23-М ФЕСТИВАЛЕ СОВЕТСКОЙ ПЕСНИ В ЗЕЛЁНА-ГУРА. ПОЛЬША. 1987

остались какие-то заметочки из газет «Правда», «Советская культура», где писали, и среди них критики были довольно известные, что «эти глупые эстрадные и пошловатые песенки Максима Дунаевского никто никогда не запоёт». К счастью, к подобной критике я отношусь спокойно, с юмором. Больше реагирую на мнение моих друзей, близких.

— До серьёзных цензурных запретов не доходило?

— Ну было немножко, но это так смешно выглядело. Когда, например, в безобидной детской песенке «Я — Водяной» вдруг «находились» политические подтексты. Чуть ли не сам председатель Гостелерадио СССР Лапин сказал, мол, «куда это они собрались лететь? Не в Израиль ли случайно?»

— Сергей Георгиевич Лапин вошёл в историю культуры того времени — прославился запретами на творчество многих ярких певцов и композиторов, размагничиванием их записей...

— И между прочим, сам он был далеко не глупый человек. Просто время было такое. А он был герой своего времени и дитя режима. А по поводу цензуры и преследований, знаете... Когда сегодня некоторые творческие личности рассказывают, как их в те годы третировали и прижимали, из-за чего они не самореализовались, я этому не верю сильно. Я считаю, настоящий талант прорвётся при любом режиме — будь то во времена Римской империи или Советского Союза. Неважно — рабы или крепостные актрисы... В СССР всех прижимали так или иначе. Уж как Солженицына гнобили, из страны выгнали. Он всё равно остался самим собой, и его жизнь была полна и интересна. На этом фоне вообще непонятно, на что жалуются те мелкие люди, якобы притесняемые за песни. Что две строчки вам не разрешили? Это глупо, недостойно. И я к таким людям отношусь соответственно. Ну да, были у нас, конечно, инакомыслящие, так сказать. Но это совсем другая категория людей. Они всегда инакомыслящие, при всех режимах.

— На съёмках «Трёх мушкетёров» собралась очень дружная компания — Балон, Боярский, Старыгин, о чьих любовных и прочих похождениях без малого 40 лет ходят легенды. Одна из них — как их чуть не поубивали «рогатые мужья» в Одессе и во Львове. Как вы при всей вашей любвеобильности не «влипли» вместе с ними в какую-нибудь захватывающую дух историю?

— Во-первых, я с ними немножко потусовался, конечно. А потом... Актёры — это немного другая категория людей. Они практически все, особенно в молодости, позволяют себе такие буйные выплески, потому что это суть их профессии. Их физика, их тело в этом нуждаются. Всё-таки моя профессия более собранная, тихая. Да и воспитание у меня немножко другое. Поэтому я не стал участником всех этих оргий, которые тоже во многом приписываются им. Но то, что девушки

«чепчики бросали» при виде мушкетёров во Львове и в Одессе, — это факт!

— Михаил Боярский рассказывал: на пике славы был подвержен таким атакам фанатов, что иногда вынужден был буквально применять грубую мужскую силу — так доставали. А у вас были неистовые поклонницы?

— Уверен: Михаил Сергеевич мог применить грубую мужскую силу по отношению к каким-нибудь уродкам, которые ему надоедали. Но по отношению к красивым девушкам, я думаю, он применял совсем другую силу. (Смеется.) Их тоже было достаточно количество. А что касается меня, то у меня таких поклонниц не было никогда. Я хоть и публичный человек, но строю свои отношения с прекрасным полом совсем по-другому. И журналисты — вот возьмите нашу бульварную прессу. Она же не пишет ни о каких «моих похождениях». Значит, видимо, этого нету?! А было бы за что, они быстренько ухватились бы.

— Ещё один заметный этап в вашем творчестве — создание ансамбля «Фестиваль». Павел Смеян мне рассказывал, как вы колесили по стране, давая больше 100 концертов в месяц. Причём первый якобы начинался на рассвете в детском саду, и дети вас слушали, «сидя на горшках». Такое могло быть?

— (Смеется.) Я думаю, что это фантазия. Всё должно обрастать легендами. И это тоже одна из них. Про «Фестиваль» могу сказать, что мы объездили весь Дальний Восток, были в Сибири, Волгу проехали. У нас была мощная компания и большой успех. Ведь с нами и Жанна Рождественская работала, и Ирина Понаровская, и Костя Никольский, и тот же Паша Смеян.

ОБМАНУЛ ТАТЬЯНУ ЛЮИЗНОВУ

— У каждого маэстро свой секрет создания музыки. Как пишете вы?

— Для меня главное — мелодия. Бывает, я пытаюсь её «ухватить за хвост». Иногда я её просто позову: «Давай-давай, приходи. Вот сейчас... очень нужно!» И она приходит. Иногда не получается. Тогда я не делаю никаких усилий, потому что знаю: если не пришла, значит, «не хочет». Мелодия для меня — это некая Королева, за которой нужно поухаживать немножечко, и она либо сама захочет прийти, либо нет. А вымучивать, выпрашивать? Нет, нельзя.

— Из этой серии история песни «Позвони мне, позвони» из фильма «Карнавал»? Ведь всего вами написано было, если не ошибаюсь, 25 вариантов!

— Да! Татьяне Люишной всё время что-то не нравилось. В результате я решил пойти на обман. Принёс «новую музыку», она послушала, наконец сказала: «Вот! Это то, что нужно! Всё-таки я не зря столько времени приставала к тебе!» А это

был самый первый мой вариант, который она забрала. И он вошёл в картину. Потому что был самый искренний.

— Как подсказывает ваш опыт — влюблённость помогает творчеству?

— Наверное, всё влияет. А может ничего не влиять — сядешь где-то в уголке посреди шума и... Эврика! Илья Резник может сесть в угол, взять салфетку и написать на ней стихи... На самом деле способность к творчеству, к любому — это вещь, про которую мы не можем ничего складного придумать в плане научных обоснований. Лично у меня никаких «вспомогательных» ритуалов нет. Просто я люблю какие-то определённые места для этого. Допустим, в загородном доме у меня свой кабинет, который я сам своими руками сделал. Вот я в него люблю войти, посмотреть на семейные фотографии, настроиться. Там как-то пахнет всё так творчеством — для меня...

— Вы когда-нибудь писали музыку на спор?

— На спор не писал, но был такой случай. Однажды мой соавтор поэт Леонид Дербенёв говорит: «Знаешь, Славка Добрынин мне сказал, мол, Максим Дунаевский — в общем, хороший композитор, но хита-то написать не может». А у меня к тому времени действительно не было ничего такого. Помню, что меня это чуть-чуть задело, и может, это тоже послужило импульсом: а чего же мне не написать хиты? Кстати, я как-то Добрынину рассказал эту историю. Он очень смеялся: «Я Дербенёву такого не говорил. По-моему, он тебя специально решил спровоцировать».

— Из 200 своих песен какие бы безоговорочно занесли в свой «хит-парад Максима Дунаевского»?

— Я бы назвал некоторые, за которые никогда не стыдно. Среди них песни к одной из любимых моих картин «Мэри Поппинс» — «Ветер перемен», «Непогода»... Мне очень дороги «Ах, этот вечер!», «Все пройдёт». Многие из них написаны совместно с потрясающими поэтами Наумом Олевым, Леонидом Дербенёвым, Юрием Ряшенцевым. Это, в общем, песни не только лирические, это и философские — в них есть новизна, смысл, содержание. Их не так много, но за них не стыдно.

— Вам не приходилось, подобно Гоголю, «сжигать» свои творения, поняв наутро их беспомощность? Или вы плохую музыку не пишете?

— Почему же, такое бывает достаточно часто. Просто тут же её забываю, и всё.

— А есть произведения недооценённые, которые только потомки смогут понять?

— (С иронией.) Это только после смерти выяснится. Откопают чего-нибудь — глядишь, и оценят... У меня есть одна рок-опера, называется она «Соломея — царица иудейская», которая шла в очень короткий, неудачный период нашей истории культуры — в начале 1990-х — и давно нигде не идёт. Думаю, её могут переоценить — это одно из лучших моих сочинений. Родилась не в то время!

КОРЯВЕНЬКО ПОЮЩАЯ ПОПСА

— Сейчас вы редко пишете для эстрады. Не пишете ли вы сейчас в шоу-бизнес XXI века?

— А зачем? Когда-то я, например, очень стыдился своей песни «Городские цветы», считая её слишком кабацкой. Но по сравнению с тем, что появилось на эстраде потом, она оказалось просто... классикой Моцарта. (Смеется.) Не хочу уподобиться старому брюзжащему человеку, не врубающемуся в тему, но для того, чтобы написать хит того формата, который сейчас востребован, ни таланта, ни мастерства не нужно.

— Помните, герой Сергея Мартинсона в старой советской картине «Антон Иванович сердится» утверждал: «Музыку нужно не сочинять, а изобретать!»

— Вот-вот. Музыку «изобретают» многие. Вся сегодняшняя попса, например, —

это же изобретённая музыка, не сочинённая. Человек садится к компьютеру и начинает «конструировать» даже не из «кирпичиков», а из уже готовых блоков. И это конструкция! Поэтому в музыке сейчас «живых» произведений почти нет. Всё остальное делают бесконечные радио-, телеэфиры и ротация. Представляете, за какой короткий срок удалось испортить вкусы наших людей до такой степени, что у нас уже Стас Михайлов и Елена Ваенга становятся кумирами?! Очень корявенько поющие и неизвестно что. Хотя объяснение здесь можно найти — попса надоела всем уже до смерти! Так на общем фоне они выглядят действительно «более солидно», я бы сказал. Но чтобы вот так умудриться испортить вкусы...

— Сегодня яркие, сильные исполнители, по-вашему, есть?

— Соответственно, и исполнителей нет. Некоторые очень хорошие исполнители пытаются выпорхнуть из мюзиклов, такие как Светикова, Гусева, Ланская, Макарский и другие. Они не только хорошие исполнители, они ещё прекрасные актёры к тому же. Вот, может, оттуда можно ждать притока серьёзных личностей. Но из любой «фабрики звёзд» (я имею в виду не передачу, а явление шоу-бизнеса как таковое), конечно, ничего путного не может выйти.

— В своё время вы открыли таланты поющих Боярского, Караченцова... Вы всегда пишете конкретно для кого-то?

— Это самое главное! Я всегда пишу конкретно для кого-то. Например, мюзикл «Мата Хари: Любовь и шпионаж» был написан специально для Ларисы Долиной.

— Кстати, лет 10 назад вышел потрясающий мюзикл «Весёлые ребята» с музыкой отца и сына Дунаевских. Там блистали Дмитрий Харатьян и Ирина Апексимова. Почему он широко не пошёл?

— Очень труден этот жанр. Почему? С одной стороны, у нас прижилась антреприза. С другой — есть государственные театры, живущие на дотационные деньги и деньги спонсоров. А вот между ними находится мюзикл, который не может быть таким же дешёвым, как антреприза, где из декораций зачастую одна простыня, две картонки и для переезда из города в город достаточно одного чемоданчика. Мюзикл — это обязательно живой оркестр, серьёзные декорации, шикарные костюмы, качественный свет, звук... Он — дорогой продукт! И он конкуренции не выдерживает. Все говорят: «А почему у нас не приживается мюзикл?» А потому что равных условий нет.

— Но это же вам не мешает продолжать писать к ним музыку? Сейчас в Москве и по всей стране идут ваши «Мэри Поппинс», «Алые паруса», «Летучий корабль», «Аленький цветочек», «Три мушкетёра», «Дневник авантюриста» по комедии Островского «На всякого мудреца довольно простоты». В сентябре прошла премьера «Эзопа»...

— Всё равно делать-то что-то надо! Да, и кино у нас сегодня тоже в дерьме, но если не будем снимать, то вообще никакого не будет. Вообще мюзикл, музыкальный театр — это та область, которой я хочу посвятить себя максимально. Сейчас мне это интересно больше всего!

— Если честно, хотя бы изредка не тянет изменить любимому жанру, написать рапсодию или симфонию?

— А я, кстати, до сих пор иногда этим балуюсь! Несколько лет назад я написал большую кантату «Радуйся солнцу» на старорусские и церковные духовные тексты: для симфонического оркестра, хора и трёх солистов — баса, сопрано и рок-певца. Кантата была исполнена во Псковском кремле на 1200-летию Пскова при 6-тысячном скоплении народа, имела большой успех. Так что бывают такие у меня «озарения».

КЛУБ ЖЁН ДУНАЕВСКОГО

— Так и хочется спросить: какие женщины вас привлекают? И где вы их, таких ярких, красивых, талантливых, находите?

МАКСИМ ДУНАЕВСКИЙ С СУПРУГОЙ МАРИНОЙ (СПРАВА) И ДОЧЕРЬЮ МАРИЕЙ НА КРАСНОЙ ДОРОЖКЕ ПЕРЕД ПОКАЗОМ МЮЗИКЛА ЭНДРЮ ЛЛОЙДА УЭББЕРА «ПРИЗРАК ОПЕРЫ» В МОСКОВСКОМ ДВОРЦЕ МОЛОДЁЖИ. 2014

— Они находятся сами. Например, с Мариной, моей нынешней супругой, нас познакомили. Это было в конце апреля 1999 года на дне рождения директора гостиницы «Рэдиссон Славянская». А в остальных случаях... Всё было по-разному. И они все разные.

— Неужели ничего общего нет — ни внешне, ни внутренне?

— Мало! Правда, у всех есть что-то общее с моей мамой. Ведь связь между матерью и сыном — сильнейшая в мире, и из мужчины этот «эдипов» комплекс никогда не выходит до конца. Словом, любимая женщина чуть-чуть должна быть мамой, чуть-чуть — любовницей, чуть-чуть — хозяйкой... Всем по чуть-чуть! Но в одном лице.

— В музыкальной грамоте семь нот. У вас — ровно семь жён. Случайное совпадение?

— (Хохочет.) Кстати, вы мне первый об этом сказали, такое открытие совершили! Возможно, восьмой поэтому и не будет! Я действительно считаю, что это мой счастливый брак «на всю оставшуюся жизнь».

— Вы сохранили хорошие отношения со всеми своими бывшими. Как вам удалось то, что не удаётся почти никому из публичных людей?

— Трудно ответить однозначно. Я думаю, что это скорее данность природная — так тянет, так душа зовёт. Так даже из эгоистических соображений — лучше и комфортнее в жизни. Я никогда не говорил плохо ни об одной из своих бывших женщин. Никогда не делил ни с кем имущества. Уходил — и начинал жизнь с нуля. Наверное, в этом одна из причин, что они не только со мной равные отношения поддерживают, но и между собой дружат, общаются! С лёгкой руки Наташи Андрейченко появилось даже шутивное выражение: «Пора создать Клуб жён Дунаевского».

— Вы едва ли не единственный из наших композиторов, чья музыка звучит в нескольких голливудских фильмах. В чём Америка повлила на вас как на музыканта?

— Я прожил в Лос-Анджелесе девять лет и много там чего повидал. Работал на русском телевидении, писал музыку к фильмам и шоу в Атлантик-Сити. Говорить, что в США я имел шумный успех, не буду, как это делают многие, кто возвращается. Работал на хорошем про-

фессиональном уровне. Для меня Америка — это прежде всего их технологии, совершенно другие отношения внутри творческих коллективов. Они более жёсткие и более конкретные, точные — неважно, в музыке или в кино. Технологически там действительно другой качественный уровень! И это стоило перенять. Поэтому, вернувшись сюда, и я, и Саша Журбин, и другие, кто там работал, стараемся выстроить свои отношения с режиссёрами и киношным окружением правильнее. Скажу вам честно: пока это больших трудов стоит и плохо приживается.

— Можете назвать самый тяжёлый момент в вашей американской одиссее?

— Мы там пытались создать шоу-театр с рестораном — в Штатах такие представления называются диннер-шоу. Один из моих друзей купил громадное по размерам заведение с хорошей сценой. Мы его хорошо оформили, сделали звук, свет... Пытались наладить этот бизнес, но, конечно, с нашим российским пониманием бизнеса мы не смогли одолеть трудности, а трудности были просто ужасающие. Ведь в тот момент на это было брошено всё — и здоровье, и деньги, и время. Поэтому порою приходилось мелочь считать по карманам... Буквально!

— Почему не захотели остаться на заокеанской «фабрике грёз»?

— Хотел! Но душа и работа позвали сюда. А теперь на пенсионный какой-то период, может быть, снова в Америку поеду... Я точно так же скучаю и по любимым американским местам тоже.

— У вас четверо детей. Есть надежда, что кто-нибудь из них продолжит династию композиторов Дунаевских?

— Единственный шанс — моя старшая дочка Алина. Она живёт в Париже, там организовала рок-группу. Пишет музыку, поёт, аранжирует. Моё мнение: она талантлива. И при удачных стечениях обстоятельств из неё может выйти толк. Хотя добиться успеха за рубежом очень сложно... А больше — никто! Старший сын, Митя, подавал надежды, у него большие способности — и музыкальные, и актёрские. Даже какое-то время в голливудскую актёрскую школу ходил. Но принял решение посвятить себя настоящему мужскому делу — он финансист, работает в крупной швейцарской компании. Средняя дочь, Маша, видимо, отдала себя театру. А младшая, Полина, играет в театральной студии при Детском

музыкальном театре и говорит, что хочет стать артисткой. Посмотрим!

— А ваш закон — нейтралитет? — Абсолютный.

— Раньше на вопрос, как проводите свободное время, вы отвечали: «Водка, плавание, теннис. И ничего больше!» А сейчас что ответите?

— Да то же самое. Это же вещи вечные! Ну, естественно, семья всё-таки к этому прибавляется. Но семья как раз мешает отдыху. Она же какое-то время терпит, а потом начинает что-то обязательно просить, кланчить, давить. Поэтому я не ратую за то, чтобы отдыхать без семьи, но именно поэтому я не включаю её вот в этот перечень. А вот теннис для меня — это не только игра и физическое удовольствие, но и общение, и времяпровождение, и уход от всякой рутины и ерунды — в этот момент у тебя голова абсолютно свободна. Водка — это не просто выпивка, а это тоже любимые друзья, с которыми ты общаешься, делишься, они наполняют тебя. Плавание для меня — это прежде всего море. Без него я вообще не понимаю, что такое отдых. В горах мне неинтересно. Лыжи? (Морщится.) Я катался на лыжах — максимум один-два дня. А вот море никогда не надоедает.

— И последний вопрос. Пётр Ильич Чайковский, выводя формулу успеха, сказал, что успех — это 10 процентов гения, 90 — потения. В вашем случае как?

— Абсолютно не согласен с его формулой. Я бы сказал так: 50 процентов гения, процентов 10 — 20 потения, остальное — удача. И все компоненты этой триады — важнейшие вещи. Выпади хотя бы один — результата не будет.

— Максим Дунаевский — удачливый человек?

— Думаю, что да! В моей жизни есть моменты несомненного везения... Кстати, недавно мой друг, один из богатейших людей страны (не буду называть его фамилию), сказал мне: «Знаешь, Максим, мне в жизни никогда не везло!» После этого мне хотелось упасть со стула... (Хохочет.) Вот он не считает, что его миллиарды — результат фарта, считает, что всё заработал кровью и потом. А я, у которого нет в наличии и крошечной доли того, называю себя везучим. Согласитесь, парадокс! Но главное, что я себя таковым всецело ощущаю. ■

ЖЕНЩИНА-ПРАЗДНИК

Марина Голуб: «У меня всегда на лице смайлик – у меня всегда всё хорошо. Даже когда мне плохо»

Андрей КОЛОБАЕВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Марина Голуб жила на полную катушку. Успевала всё: играла в родном МХТ имени Чехова и антрепризах, снималась в кино, вела телевизионные шоу, искала себя в режиссуре. Если влюблялась, то насмерть, если расставалась, то по всем канонам классической драмы – тяжело, с глубокими зарубками на сердце. Но оставалась редкой оптимисткой! Искренне верила, что все самые счастливые моменты жизни – впереди. На сцене она была органичная как кошка, многогранная и многоликая, способная в одиночку восхитить зал, заставить сопереживать, смеяться и плакать. В обычной жизни – такой «ходячий позитивчик», женщина-праздник, вся солнечная, переливающаяся всеми цветами радуги, открытая, как распахнутое настежь окно. Марина даже слово для себя подобрала подходящее – «смайлик». «У меня всегда на лице смайлик – у меня всегда всё хорошо. Даже когда мне плохо». Именно поэтому её нелепая гибель в расцвете лет и на пике карьеры до сих пор никого не оставляет равнодушным.

В тот трагический день, 9 октября 2012 года, никакого тревожного предчувствия у актрисы не было. Накануне Марина Голуб дала одному глянцево-журнальному открытое интервью, где рассказывала о своих планах. «Я своё будущее вижу очень радужным. Думаю, что через пять лет я смогу реализовать то, что я задумала. Наверное, сыграю что-то интересное. Может быть, всё-таки попробую снять кино, и у меня получится. И, наверное, что-то случится в моей личной жизни. Я чувствую, что у меня скоро наступят кардинальные перемены в жизни».

Не сбылось.

Страшная авария произошла в 00 часов 05 минут 10 октября на пересечении проспекта Вернадского и улицы Лобачевского. Столкновение «Хёндай-Соната», в котором ехала актриса (за рулём был её знакомый таксист-частник Дмитрий Туркин), и выскочившего на перекрёсток со скоростью более 100 км/ч на красный сигнал светофора «Кадиллака», принадлежавшего 32-летнему москвичу Алексею Русакову, было такой силы, что таксист и его пассажирка скончались мгновенно. Позже судмедэксперты в отчёте напишут: «Смерть наступила от сочетанной травмы тела». Обоих погибших от удара буквально расплющило – их тела из салона извлекали спасатели МЧС. Виножник ДТП отделался лёгкими ссадинами и с места происшествия скрылся. Спустя несколько дней он сдался полиции и позже был приговорён к 6,5 года заключения. (Скоро выйдет на свободу, если уже не вышел.) По мистическому совпадению или злой иронии судьбы, в ту роковую ночь актриса возвращалась домой из Театра наций – со спектакля под названием... Mortal Engine/«Смертельный двигатель».

ПРИЁМНЫЙ ПАПА ИЗ ГРУ

История жизни Марины Голуб – это яркий, наглядный пример того, как, несмотря на кажущиеся непреодолимыми трудности и

удары судьбы, нужно весёлым жизнерадостным «смайликом» идти к своей цели и добиваться своего.

Марина Голуб родилась 8 декабря 1957 года в Москве. Мама – Людмила Сергеевна Голуб – профессиональная актриса, служила в Московском драматическом театре имени Гоголя. Своего биологического отца девочка никогда не видела, он бросил их с мамой вскоре после её рождения, зато был приёмный папа, который, как гордо рассказывала Марина, стал как родной. Григорий Ефимович Голуб был кадровым военным разведчиком, а после войны работал на дипломатических должностях. Полковник ГРУ, он многие годы провёл в Скандинавских странах.

Григорий Ефимович вспоминал, что искорка между ним и маленькой Мариной пробежала буквально с первой встречи.

«Ей было три года, когда мы от друзей ехали с дачи в электричке, она вдруг сказала: дядя Гриша, можно я буду называть тебя папой? Меня тогда захлестнула волна нежности и любви к этому ребёнку. Я говорю: конечно, конечно, я и есть твой папа. Этот вопрос у нас никогда не возникал и не мог возникнуть, хотя она знала, что я её приёмный отец».

Марина так рассказывала о своей семье: «Когда говорю о маме, всегда комочек подкапывает к горлу – она была замечательная. И как актриса, и как мать – просто невероятная. А папа у меня какой! Его отец, мой дед Ефим Самойлович Голуб, был наркомом финансов советской Украины, в 1937-м его расстреляли, бабушка почти 20 лет провела в лагерях... Отец попал в Кардымовский детский дом – для детей врагов народа, но это не мешало ему прожить интересную

жизнь, многого добиться... В общем, история для приключенческого сериала... Одно из ярких детских воспоминаний – то, что наш дом всегда был полон гостей, пироги, не важно – бедно мы жили или богато. Но больше всего в моих родителях меня восхищало их трепетное отношение друг к другу. Мне, может, так не просто живётся по женской части моей жизни, потому что передо мной был такой пример отца и его любви к моей матери. Он носил её на руках, он с удовольствием исполнял любые её прихоти, дарил ей подарки. Он так её любил всю жизнь!»

Итак, талантливая мама, интереснейшая загадочная личность – папа... Но какая дружная творческая семья без красивой семейной легенды? И такая легенда есть. По семейному преданию, Марина ни много ни мало – правнучка... великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. Официальных документов, доказывающих сей факт, разумеется, нет, но сама актриса всегда свято верила, что в ней течёт «графская писательская кровь». И приводила свои аргументы: «Моя прапрабабушка по линии мамы Пелагея была крепостной великого писателя земли Русской. Она была красавицей и любимицей Льва Николаевича... Конечно, мы свечку не держали, но в результате мой прадед с этой стороны, судя по фото, просто вылитый Лев Толстой: характерный нос, взгляд... И бабушка моя родная очень похожа. У нас в доме была красивая посуда, и мама говорила: «Это нам от графьев осталось... Правда это или нет, но нам приятно такая легенда».

В школе Марина училась неважно, а если называть вещи своими именами – просто из рук вон плохо. Потом она всю жизнь переживала, что делает орфографические ошибки даже в эсэмэсках. Зато в её детстве была настоящая страсть и мечта – стать балериной. Девочка рано начала заниматься танцами и занималась очень серьёзно, почти не отвлекаясь на подготовку к урокам. И у неё здорово получалось. Когда в их дом приходили гости (а это случалось довольно часто – семья была очень хлебосольной и гостеприимной), изюминкой вечера была просьба кого-нибудь из родительских друзей станцевать: «Мариночка, покажи!» Худенькая стройная Марина показывала «умирающего лебедя», и все восторгались её гибкостью и грацией. «Будет балериной Большой театр, не меньше» – этот вердикт взрослых полностью совпадал с её тайными грёзами.

Марина Голуб рассказывала: «И вот однажды мама меня повела в Большой театр – показаться педагогу. Есть такие педагоги, которые смотрят косточки у детей и смотрят на родителей, потом говорят, есть ли у ребёнка перспектива в балете. Мама у меня была такая, нет, не полная, с формами приятными. А я была тогда очень худая – как тростинка. Педагог посмотрела на мою маму, на меня и грустно сказала: «Милая девочка... Вырастет метр семьдесят ростом. У неё будет попка, ножки – она будет крупная!» Мама была в шоке: «Как? Посмотрите, какая худышка!» «Я всё вижу: прелестная девочка. Но в балет Большого театра вам не надо!» Для меня это была невероятная трагедия, ведь, как мне казалось, я танцевала прекрасно и была просто создана для балета».

Мечта посвятить себя театральной сцене появилась у неё в старших классах и – благодаря маме. «Мама была феерическая женщина с очень непростой актёрской судьбой. Она из актрисы трагедии выросла в героиню с большим диапазоном. Она играла в Театре Гоголя, потом ушла на эстраду. И как-то в целом не сложилась у неё карьера. Причём причина была не в таланте, а в её характере – мама была человек открытый и отважный, если её что-то

“Шесть лет Марина Голуб отдала знаменитому Театру миниатюр Аркадия Райкина, ещё пятнадцать – Московскому еврейскому театру «Шалом». Играла спектакли в театре «Шалом» на иврите и идиш.

не устраивало, могла высказать (и периодически высказывала!) главному режиссёру прямо в глаза, что она по поводу него думает... Но вообще, всё, что у меня как у актрисы есть, это от моей мамы. Во мне есть её положительный заряд — она была женщиной с большим оптимизмом».

Когда в девятом классе мама спросила: «Куда ты собираешься поступать? В иняз или на балетмейстера?» и в ответ услышала, что дочь будет поступать в театральный на актрису, Людмила Сергеевна искренне изумилась. «В драму?» «В драму!» «А почему ты мне ни разу не читала ничего, не показывала?» «А я сейчас могу показать». И Марина сходу прочитала ей «Песнь о собаке» Есенина. Мама выдержала паузу и задумчиво сказала: «Знаешь, а что-то в этом есть!»

ХЕЛЛО, ДОЛЛИ!

Поступать решила в Школу-студию МХАТ. Актриса вспоминала: «А тогда набирал курс потрясающий педагог, профессор, к сожалению, сейчас его уже нет в живых, — Виктор Карлович Монюков. Помню, на вступительных экзаменах я читала отрывок из «Угрюм-реки». Прочитала и поняла, что прочитала гениально. Взяла и села нога на ногу: дескать, смотри, комиссия, как я могу. Виктор Карлович обратился к моей маме: мол, плохо вы ребёнка воспитывали. «Села нога на ногу, заигрывает со вступительной комиссией... Это что такое? Это же МХАТ!» Мама не растерялась: «Знаете, да она же в полном зажиме от волнения. А когда у неё полный зажим, у неё начинается полный разжим — себя плохо контролирует». «Как-то пускай соберётся немножко». И начался прекрасный период в моей жизни — в великой мхатовской школе».

Училась Марина вдохновенно — на своём курсе считалась одной из лучших и самых перспективных. Искромётная, талантливая, фактурная. Однокурсники и педагоги были уверены, что после блестящего дипломного спектакля «Хелло, Долли!», где она феерила, Голуб будут просто рвать на куски театральные режиссёры. Ведь было столько лестных слов и восторженных рецензий в её адрес! Поэтому никого не удивило, что сразу по окончании Школы-студии её пригласили несколько ведущих театров — Маяковка, Театр сатиры и легендарный ленинградский БДТ. Звали

МАРИНА ГОЛУБ В РОЛИ ГЕРТРУДЫ. ПРОГОН СПЕКТАКЛЯ «ГАМЛЕТ» В ПОСТАНОВКЕ ЮРИЯ БУТУСОВА НА СЦЕНЕ МХТ ИМ. ЧЕХОВА. ДЕКАБРЬ 2005

такие мэтры-режиссёры — Товстоногов, Плучек...

Казалось бы, о чём ещё можно было мечтать молодой актрисе? Выбирай! Но, во-первых, как выпускница Школы-студии МХАТ, она мечтала только о МХАТе, а в труппу прославленного театра её не позвали. Во-вторых, всё оказалось не так просто и безоблачно. В каждом театре уже были свои «звёзды» — в БДТ тогда царствовала Светлана Крючкова, в Театре сатиры — Татьяна Васильева-Ицыкович. Обе в зените своей славы, в расцвете лет... А Голуб была характерная актриса, к тому же очень яркая и очень смешная. Видеть в своих труппах её хотели, но ролей по большому счёту для неё не было. К тому же сама Марина видела в этих приглашениях холодный расчёт. Григорий Ефимович Голуб к тому времени работал в Управлении

культуры. Театральные администраторы, узнав об этом, быстро сообразили, что уж для своей-то дочери он выбьет в Управлении лишнюю штатную единицу. В результате от всего пришлось отказаться и начинать карьеру с нуля — с поисков работы.

Этот период она пережила трудно — «металась из стороны в сторону». Попробовала себя в кино — в 1980-м снялась в исторической дилогии «Юность Петра» и «В начале славных дел» у самого Сергея Аполлинариевича Герасимова. В том же году сыграла у Эльдара Рязанова — в трагикомедии «О бедном гусаре замолвите слово». Роли были небольшие, но Марина верила — лиха беда начало. В Школе-студии МХАТ её учили: не бывает маленьких ролей, бывают маленькие актёры. Уже теперь-то её заметят и другие режиссёры, оценят её дар, наступит прорыв — почему бы ей не сделать блестящую карьеру в кино. Не похожую ни на кого своеобразную актрису киношники действительно заметили, охотно приглашали на пробы, но прорыва не наступало — ролей, которые могли бы раскрыть её потенциал, Голуб не предлагали. Много лет спустя Марина откровенно признавалась, что, бывало, от безысходности рыдала в подушку, «корила себя за бездарность» — ей казалось, что жизнь кончена.

В этот момент мама ей посоветовала: «Иди на эстраду — в Москонцерт! Не надо сидеть и чего-то ждать. Надо идти к зрителю, а эстрада тебе много даст». «Конечно, как каждая актриса, мечтающая о великой сцене, я долго отказывалась. Потом решила попробовать. Сделала репертуар: читала стихи, отрывки из любимых пьес... И теперь я могу твёрдо сказать, что я благодарна этому решению, потому что, когда у тебя декорации, красивые платья, роскошные партнёры — это одно. Во сто крат труднее в одиночку выйти к зрительному залу и убедить тебя слушать. А когда потом тебе ещё начинают аплодировать и кричать «браво» — это дорогого стоит. Мне это действительно столько дало!»

Два года актриса колесила с концертами по стране — выступала в провинциальных домах культуры, сельских клубах, далёких военных гарнизонах. Вскоре её характерность, весёлый нрав, лёгкость в общении, стремление работать и развиваться оценили и в театре. Шесть лет Марина Голуб отдала знаменитому Театру миниатюр Аркадия Райкина, ещё пятнадцать — Московскому еврейскому театру «Шалом». Не будучи еврейкой даже наполовину, играла спектакли на иврите и идиш и, кстати, пользовалась невероятным успехом у зрителей. Параллельно — вела на телевидении «Утреннюю почту», пробовала себя в других телевизионных проектах, всё чаще снималась в кино. Шикарно сыграла директора филармонии в «Ширли-мырли»,

директора магазина в «Свадьбе» — уже тогда начал складываться её киноимидж «королевы эпизода».

Но по-настоящему её актёрская судьба стала успешно складываться только в самом начале «нулевых», когда Марина наконец встретила «своего» режиссёра — Кирилла Серебренникова. Её роли в его спектаклях «Пластини» и «Терроризм» были настолько успешны, что в 2002 году сбылась, как она выражалась, «мечта идиотки» — её пригласили-таки в труппу МХТ имени Чехова.

«У меня такое чувство, — сверкая от счастья, делилась Марина Голуб, — что я прошла все круги испытаний, чтобы прийти в Свой Дом. Как будто раньше меня туда не пускали, а потом сказали: «Теперь можешь». Сюда надо приходить, когда ты чего-то достиг и достоин этой легендарной сцены». Именно на сцене Художественного театра Голуб вдруг раскрылась как серьёзная драматическая актриса, при этом не боящаяся выглядеть смешной, забавной, обожающая гротеск. Она блестяще сыграла Дарину в «Тартюфе» Мольера. Её Гертруда в шекспировском «Гамлете» (в постановке Юрия Бутусова), где она играла вместе с Константином Хабенским, Михаилом Трухиным и Михаилом Пореченковым, стала событием для театральной Москвы. И вскоре слава буквально накрыла её с головой.

«ЛЮБЛЮ ИГРАТЬ СТАРУХ, КИКИМОР И БАБ-ЯГ!»

Спустя годы, отвечая на вопросы журналистов, трудный ли путь она прошла к себе сегодняшней — успешной и популярной, актриса не скрывала: невероятно трудный. «Если ты хочешь добиться не только славы, не просто мелькнуть, а достичь какой-то глубины, то это очень сложный путь, — уверяла Марина Голуб. — Здесь нужны три составляющие: работоспособность, талант и его величество случай. Можно даже не иметь на своей стороне Фортуны, но я верю, что работоспособность и талант пробьют всё. Хотелось ли мне в минуты отчаяния уйти из профессии? Нет. Никогда в жизни даже не допускала такой мысли. Актёры могут чем угодно полатиться: личной жизнью, могут не видеть детей, семьи, могут недоедать, чего-то не иметь, но не выходить на сцену они не могут! Знаете, это абсолютный наркотик. Болит нога — перед спектаклем она сразу перестаёт болеть, 40 температура — ты её не чувствуешь, ты хорошеешь, расцветаешь... Хотя я и произвожу впечатление человека оптимистичного, и это действительно так, но, поверьте, в моей жизни было много отчаяния, и очень глубокого. Но просто я считаю, что этого никто не должен видеть».

МИХАИЛ ПОРЕЧЕНКОВ, МАРИНА ГОЛУБ И КОНСТАНТИН ХАБЕНСКИЙ В СПЕКТАКЛЕ «ГАМЛЕТ»

ЕКАТЕРИНА ЦВЕТКОВА/PHOTOPRESS

В самые трудные моменты моей жизни меня спасала моя профессия — она вдруг неожиданно открывала совершенно другие двери и говорила: иди за мной — за своей судьбой. И я даже не шла, а летела на крыльях счастья!»

На сцене МХТ Марина сыграла немало ярких ролей, в том числе такие знаковые для каждой актрисы как Селия Пичем — в брехтовской «Трёхгрошовой опере» (режиссура Кирилла Серебренникова), Васса — в «Вассе Железновой» (Лев Эренбург). Её «вдруг» распробовало и полюбило кино — за какие-то 10 лет актриса сыграла около 80 киногероинь, в том числе в таких популярных лентах, как «Водитель для Веры», «Изображая жертву», «Андерсен. Жизнь без любви», «Мамы»... Как сама она не раз признавалась, «бралась за всё, из чего можно было хоть что-то интересное сделать». «Жизнь небольшая, и надо в ней успеть попробовать многое. Я люблю играть мальчиков, мужиков, девочек, старух, кикимор, баб-яг... Всё люблю!»

Её популярности в немалой степени помогала активная телевизионная деятельность: Марина Голуб без устали вдохновенно вела сразу несколько рейтинговых развлекательных программ — «Путешествие натуралиста», «Девчата» и «Эх, Семёновна!» Именно там её искромётный комический дар импровизации вкупе с неиссякаемым зарядом оптимизма проявлялся во всём блеске и разнообразии. Согласитесь, довольно редкий случай: актриса стала звездой, народной любимицей на пятом десятке лет, когда амбиции и мечты о всемирной славе обычно идут на спад. Не имея ни модельной внешности, ни стройной фигуры... Но именно в этот момент Марина Голуб вдруг стала интересна всем — режиссёры стали ей предлагать большие лакомые роли, она стала гламурной героиней глянцевого журнала, которые из номера в номер писали о её бурной личной жизни и привлекали читателей её фотографиями на обложке. Парадокс? Да нет. Удивительно, что её талант, позитивный лёгкий характер и умение создавать вокруг себя атмосферу нескончаемого праздника не особо замечали раньше.

Окружающие удивлялись её неуёмности: таянет на себе чуть ли не весь репертуар Основной сцены МХТ и при этом жалуется, что полгода нет новых ролей. Голуб отвечала, посмеиваясь: «А что вы хотите?! Я же Стрелец по знаку зодиака, да к тому же Петух Огненный. Представляете, как мне тяжело себя сдерживать?» Марина не скрывала, что планов у неё настоящее громадьё. Мечтала сыграть Зойку в «Зойкиной квартире», мамашу Кураж, леди Макбет, героиню пьесы Эдварда Олби «Кто боится Вирджинии Вулф?». Хотела поиграть в пьесах Островского, научиться играть Чехова. Особенно её притягивала роль Ирины Николаевны Аркадиной в «Чайке»...

ЛЮБОВЬ И ГОЛУБ

За последние годы актриса дала десятки, если не сотни «огненных» интервью, в которых открывала почти все свои секреты и тайны, справедливо полагая, что её путь и опыт могут кому-то принести пользу.

«Люди, которые меня знают близко, — рассказывала она о своей закулисной жизни, — говорят, что я на работе и я в домашних условиях — это два разных человека. Когда я прихожу в театр, то становлюсь актрисой. Здесь не может быть плохого настроения, надо нести положительный заряд. Дома же я могу быть, как ребёнок, — обижаться, хотя на работе обиду никогда не покажу. Дома я тоже могу быть и озорная, и смешная, но стараюсь расслабляться. Могу поплакать. Даже попить... Важен ли для меня тыл в виде мужчины? Самая сильная женщина — это самая слабая женщина. Мне необходим мужской тыл. Любой женщине нужно иметь рядом человека, который её понимает. Актрисе — тем более. Потому что мы очень ранимые люди, сильно себя растрчиваем, работаем нутром. И восстанавливается всё это только какими-то особыми моментами, случаями, теплом человеческим. Когда такого тепла нет, то начинаешь его отчаянно искать, чтобы согреться. Для того, чтоб потом это тепло опять отдать».

Однажды на традиционный вопрос «Ваше кредо?» Марина Голуб, не раздумывая,

АКТЁРЫ МХТ ИМ. ЧЕХОВА И СУПРУГИ АНАТОЛИЙ БЕЛЫЙ И МАРИНА ГОЛУБ. АПРЕЛЬ 2005

вая, ответила: «Не соври, не предай, не обидь. И люби!» Причём слово «люби» прозвучало как самое ключевое. И действительно, личная жизнь актрисы всегда была бурной.

Первая любовь накрыла её с головой ещё в театральном вузе — с красавцем Дмитрием Золотухиным (через несколько лет он сыграет молодого Петра I в исторической дилогии Сергея Герасимова

«Юность Петра» и «В начале славных дел») они были однокурсниками. Типичный студенческий роман: длившаяся несколько лет неумная страсть, тяжёлое расставание.

В середине 1980-х Голуб приняла настойчивые ухаживания московского бизнесмена Евгения Тройнина, в котором актрису подкупило его удивительное внешнее сходство с её любимым актёром Омаром Шарифом. Они сыграли красивую пышную свадьбу. Вскоре родилась дочь — Настя. Но, по воспоминаниям коллег Марины, уже в период беременности она поняла, что ошиблась с выбором — слишком разными они были с мужем, и решила расстаться. Евгений не был ни на одном её спектакле и вообще считал актёрскую профессию несерьёзной.

А вскоре на гастролях Театра миниатюр Аркадия Райкина в Волгограде Марина Голуб познакомилась со студентом местного истфака Вадимом Долгачёвым. И мгновенно влюбилась в этого двухметрового парня, внешне похожего на молодого Жерара Депардьё. Настояла, чтобы Вадим переехал в Москву, поступил в Школу-студию МХАТ. Они поженились. Но и в этот раз семейная жизнь не заладилась. По версии одних друзей семьи, со временем Вадим стал злоупотреблять спиртным, по мнению других, причина разлада была иной: Марина хотела, чтобы муж делал карьеру и вырос в великого артиста, а тот якобы не оправдал её надежд.

Долгачёв рассказывал о своём союзе с Голуб так: «Наш брак с Мариной я бы назвал браком по-итальянски: то любовь сумасшедшая, то развод и девичья фамилия! Мы ссорились и ругались, потом были рыдания и призыв «возвращайся». Шесть лет рядом с ней превратились в мои вечные блуждания — уходы навсегда и возвращения насовсем...» Но в целом он был согласен: не смог Марине соответствовать. Актриса вспоминала, как в день развода они с Вадимом, выйдя из ЗАГСа, сели, обнялись и потом ещё три дня «отмечали расставание», пили водку и долго-долго плакали, вспоминая прожитые вместе годы.

«Что такое любовь?» — спрашивали актрису. Она отвечала: «Когда в отсутствие человека задыхаешься, а в его присутствии понимаешь, что это весь твой мир, — наверное, это и есть любовь». На другой самый задаваемый Голуб вопрос: как ей удаётся влюблять в себя таких ярких мужчин, она с загадочной улыбкой отвечала: «Я всегда была уверена в себе. Никогда не считала

МАРИНА ГОЛУБ В РОЛИ ТЕРЕЗЫ. КАДР ИЗ ГЕРОИКО-ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО ФИЛЬМА ВЛАДИМИРА ЧЕБОТАРЁВА «НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ РАЗВЕДЧИКА». МОСФИЛЬМ. 1990

себя красавицей. Убедена: главное — энергетика. Мужчины на самом деле считают нашу энергетiku, а не сиси-писи».

В 1995 году Марина Голуб начала встречаться с актёром Анатолием Вайсманом. Говорят, именно она придумала ему звучный псевдоним Белый, под которым он впоследствии стал известным. Оба служили в Театре «Шалом», и неудивительно, что во время репетиций между ними проскочила искорка, переросшая сначала в страстный роман, а затем и в венчанный брак. Любопытно, что Анатолий был младше Марины на 15 лет, но они прожили 11 лет и даже вместе перешли в МХТ, где коллеги их шутили и с любовью называли Белый Голуб. К 10-летию юбилею свадьбы пара переехала жить в свой новый трёхэтажный загородный дом в Подмоскowie с огромным подворьем. Марина сама сделала в нём ремонт, так как Анатолий в этот период много снимался в кино и был постоянно в разъездах. Казалось, ничего не угрожало их семейному счастью. Но вскоре муж объявил, что уходит к другой женщине — эта новость ударила Марину как обухом по голове.

Голуб тяжело переживала разрыв с Белым, это предательство так её подкосило, что актриса, по слухам, чуть было не ушла в монастырь. Но со временем она нашла в себе силы простить его и вновь ушла с головой в работу, в воспитание подрастающей дочери, начала подумывать о режиссуре и преподавании актёрского мастерства студентам. А по поводу своей личной жизни говорила: «Знаете, я счастливая женщина — в моей жизни было любви очень много. Я трижды была замужем и со всеми бывшими мужьями сохранила хорошие отношения. От первого мужа, с которым я прожила совсем мало, у меня дочь. Она мой большой друг, мы с ней говорим на одном языке. Со вторым мужем я прожила довольно-таки долго, и он является моим другом до сих пор. Вадик очень хороший человек, и я его люблю. Вместе с ним мы пишем сценарии, а ещё он хороший фотограф. С третьим мужем — Толей — мы работаем в одном театре. Он очень хороший актёр, интересный. С ним была довольно-таки сложная история, теперь у него большая семья, и дай бог ему счастья! Я считаю, что важно не просто плыть по жизни, а самому делать её... Уметь делать выводы из своих ошибок: поменять что-то в себе, в ситуации, в окружении. И идти дальше».

НА ЦЕРЕМОНИЮ ПРОЩАНИЯ С АКТРИСОЙ К ЗДАНИЮ МОСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА ИМЕНИ ЧЕХОВА ПРИШЛИ СОТНИ ПОКЛОННИКОВ ЕЁ ТАЛАНТА. 13 ОКТЯБРЯ 2012

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ

Последней большой любовью актрисы стал Михаил Кравченко — президент крупного мебельного холдинга «Фабрика мебели «8 Марта». Как всегда, Марина ушла в свою новую страсть без оглядки, безрассудно, называла эту встречу «счастливым поворотом судьбы». По-другому она не могла, не умела и не хотела. Говорила открыто: «Я живу этим человеком!», посвящала возлюбленному стихи, «стройнела» ради него. Обучала его актёрскому мастерству и даже поставила к 15-летию «Фабрики мебели «8 Марта» спектакль «Горе от ума» — с Михаилом

Кравченко в роли Чацкого. У них были далеко идущие планы. Бизнесмен собирался подарить Марине огромную площадку под её народный театр. В нём они планировали учить и детей, и взрослых, ставить спектакли мирового репертуара. Но он не успел...

20 мая 2012 года возле своего дома в подмосковном Переделкино Одинцовского района 46-летний Михаил Кравченко был зверски убит — наёмные киллеры изрешетили его «Мерседес», всадили в него шесть пуль. Это убийство потрясло всю Москву. Гибель Михаила стала огромной трагедией для Голуб. Она бросилась проводить своё собственное расследование, чтобы найти и исполнителя, и заказчика. Постоянно созванивалась со следователями, использовала свои связи в правоохранительных органах. Буквально горела этим. Но через четыре месяца погибла сама.

В связи с этим, кстати, многими моими коллегами озвучивалась и «конспирологическая» версия: мол, смерть актрисы могла быть неслучайной — «она могла кому-то мешать». Якобы ей даже угрожали... Об этом в программе «Пусть говорят» рассказала её подруга Светлана Савельева: «За три дня до аварии Марина позвонила мне и маме Михаила Галине Николаевне. Сказала, что у неё появилась какая-то новая информация по этому делу, что сообщит она её только при личной встрече. И что её предупредили: не надо заигрывать в детективов, глубоко копать и лезть дальше положенного...» По словам мамы Михаила Кравченко, Голуб должна

была к ней приехать и лично всё рассказать в среду 10 октября. И в ночь с 9 на 10 октября погибла. Взаимосвязаны эти две смерти или нет — вопрос риторический. (Позже по этому делу был задержан друг и партнёр Кравченко по бизнесу Алексей Пронин. По версии следствия, именно он заказал главу «Фабрики мебели «8 Марта», чтобы не платить по старым долгам. — Ред.)

...В день своей гибели перед спектаклем «Смертельный двигатель» в Театре наций Голуб встретила подругу, которую давно не видела, и в разговоре с ней поделилась, что такой счастливой в творческом плане, как сейчас, она не была никогда в жизни. После спектакля она поехала домой: собиралась переночевать у дочери, которая жила неподалёку от театра. Но Настя так и не дождалась свою маму. В час ночи ей позвонили, незнакомый голос произнёс: «Марина Григорьевна Голуб погибла в автокатастрофе».

Незадолго до этого она говорила в интервью: «Я не могу сказать, что некая профессиональная планка достигнута. Нет предела совершенству! Хотя какой-то этап, конечно, пройден. Я заслужила признание. Приятно, что любят и уважают. Это значит, что я всё делаю правильно. Но я всегда живу немножко с мыслью о завтрашнем дне. И свою дочь Настю так учу: сегодня уже прошло, надо идти дальше и видеть всегда на два шага вперёд. Мне кажется, что мои роли и всё лучшее в моей жизни только впереди!»

Из досье «Совершенно секретно»:

За последние годы в автокатастрофах погибло немало известных артистов.

Декабрь 1999 г. Машина популярного артиста Евгения Дворжецкого на перекрёстке в Москве столкнулась с грузовиком — артист погиб на месте. Дворжецкому было 39 лет.

Август 2005 г. В автомобильной аварии на трассе Бийск — Барнаул погиб известный советский и российский юморист, актёр, четвёртый губернатор Алтайского края 47-летний Михаил Евдокимов.

Ноябрь 2007 г. Актёр Александр Дедюшко на обледенелой трассе около г. Петушки не справился с управлением своей «Тойоты». На высокой скорости автомобиль вынесло навстречу грузовику. Вместе с актёром погибли находившиеся в машине жена и 8-летний сын.

Январь 2008 г. Геннадий Бачинский, известный шоумен и радиоведущий, погиб в Тверской области, когда ехал из Калязина в Сергиев Посад. На скорости 110 км/ч он начал обгонять грузовую фуру и на встречной полосе лоб в лоб столкнулся с пассажирским микроавтобусом.

Март 2010 г. Юрий Степанов, ведущий актёр театра «Мастерская Петра Фоменко», погиб, возвращаясь ночью после спектакля. В машину частного, ожидавшую зелёного сигнала светофора на перекрёстке, сзади врезалась «Мазда». Машину выбросило на встречную полосу, где она столкнулась с «Жигулями», шедшими на высокой скорости. Машину буквально сплющило в лепёшку.

Август 2011 г. Никита Емшанов, 28-летний актёр театра «Центр драматургии и режиссуры» Алексея Козанцева и Михаила Рошина, погиб ранним утром в автокатастрофе во время лобового столкновения двух иномарок на Самотёчной эстакаде Садового кольца в Москве.

Февраль 2012 г. Актриса Екатерина Лапина, сноха известного советского актёра Владимира Басова, известная по фильмам «ДМБ» и «Стройбата», разбилась в автокатастрофе недалеко от подмосковной Лобни. Рано утром актриса ехала на кинопробы из загородного дома, где жила вместе с мужем, режиссёром Александром Басовым, однако на трассе из-за гололёда её машину вынесло на встречную полосу, где в неё врезался мусоровоз.

Август 2012 г. В ДТП под Воронежем погибли супруги Кожушко — 32-летний Михаил и 29-летняя Марина, артисты Саратовского театра оперы и балета. Михаил учился в Саратовской государственной консерватории и работал в Саратовском театре оперы и балета артистом хора. Марина играла в оркестре театра на скрипке и преподавала в музыкальной школе.

Октябрь 2012 г. В ДТП на западе Москвы погибла актриса Марина Голуб.

Сентябрь 2017 г. Молодой и подающий большие надежды актёр Егор Климаев пытался помочь пострадавшим в ДТП на МКАД, когда его сбила проезжавшая мимо машина.

МАРИНА ГОЛУБ В АРТ-ЦЕНТРЕ НА ВОЛХОНКЕ. МОСКВА. НОЯБРЬ 2011

Прилетит вдруг волшебник

Владимир Шаинский: «Будет ли мне жалко расставаться с этим миром, с этим небом, с этими облаками, с этими людьми? Очень. Но я верю, что, уйдя из этого мира, я попаду в другой, где будут свои облака, деревья и все...»

ЮБИЛЕЙНЫЙ КОНЦЕРТ С УЧАСТИЕМ БОЛЬШОГО ДЕТСКОГО ХОРА ГОСТЕЛЕРАДИО СССР. ДЕКАБРЬ 1975

Юрий ПАНКОВ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

СЧАСТЛИВОЕ СОВЕТСКОЕ ДЕТСТВО ОСИРОТЕЛО

Совершенно несерьезный, дурашливый человек, маленького роста, со смешным голосом клоуна... И в то же время — автор самых главных эстрадных песен послевоенной поры, создатель музыкальной классики для детей и их родителей. Такой вот противоречивый портрет всегда рисовался нам, когда произносили: Владимир Шаинский.

25 декабря прошлого года его не стало. Великий улыбчивый композитор умер на 93-м году в США, куда пять лет назад уехал вместе с женой и двумя детьми. В Сан-Диего он лечился от тяжелой мучительной болезни. Однако своей единственной родиной считал Советский Союз, хотел быть похороненным только в России. И это свершилось. Правда, с большой задержкой. Лишь 19 января самолетом «Аэрофлота» гроб с телом Владимира Яковлевича был доставлен в Москву, а 22-го предан земле... Такое промедление было связано с невероятной волокитой при решении вопроса о выделении места на Новодевичьем кладбище. Родственники просили... Союз композиторов настаивал... Министерство культуры Российской Федерации ходатайствовало... Но, увы. Собянинские чиновники так и не смогли найти под стенами монастыря клочок земли для нашего великого и к тому же старейшего композитора... В итоге последний приют Владимир

Шаинский обрел на Троекуровском кладбище, в лесу. Впрочем нет никаких сомнений, что народная тропа не зарастет к его великой могиле, на погосте между промзоной и одним из спальных районов столицы. (Ведь даже к могиле Эрнста Неизвестного, похороненного в двухстах верстах от Нью-Йорка на острове Шелтер-Айленд, где скульптор провел последние годы жизни, нет-нет да приезжают российские почитатели его творчества.)

Среди горы цветов и венков, в которых утопал гроб с телом композитора, выставленный на церемонии прощания в актовом зале Союза композиторов, была одна неприметная корзинка с траурной надписью на ленте: «Владимиру Яковлевичу — от советских детей». Трагично... Ведь нет сегодня в нашей стране человека, которому не известно имя Шаинского! Именно из его песен малыши впервые узнают о том, что «дважды два — четыре», а «дружба начинается с улыбки»; и каждому школьнику знакомо веселое «тили-тили, трали-вали»... А на эстраде более полувек звучат его шлягеры «Лада», «Не плачь, девчонка», «Травы, травы», «Когда цвели сады», «Дрозды».

Даже притом что в этот день осиротело вроде бы именно советское поколение, как-то трудно представить, что спустя десятилетия в нашей стране можно будет встретить людей, не знающих имя этого композитора, этого человека «маленького роста» (как пела Анна Герман) и огромного таланта, как признаво всеми.

Незадолго до отъезда в США Владимир Яковлевич принял участие в подготовке коллективного мемуарного сборника

«Автограф века», для которого дал большое интервью. Предлагаем сокращенный фрагмент этого материала.

«ДЛЯ ДУШИ ПОЮТ, А НЕ ДЛЯ СЛАВЫ»

— Ваша юность пришлась на войну...

— Призвали меня в сорок третьем. Первый год я служил в частях связи в тылу. Но по дороге на фронт нас отправили во Владимирскую область, в учебный артиллерийский полк. Там, в районе города Коврова, были сплошные военные заводы. А кто там работал? Одни девчонки. Шагаешь по улице — а со всех сторон, из всех окон несется: «Эй, солдатик, иди к нам!»

Там, под Владимиром, меня взяли в духовой оркестр, и на фронт в итоге я так и не попал. Хотя, как и другие, писал заявления командиру части с просьбой отправить на передовую. Но получил торжественный отказ. Помню, мы в сорок четвертом даже бежать на фронт собирались.

Если бы оккупация застала меня в Киеве, я её, конечно, не пережил бы — евреев в живых не оставляли. Мою бабушку, которой было 75 лет, расстреляли в Бабьем Яру. Она ведь ещё в 1918 году пережила немецкую оккупацию Украины. Но тогда немцы были другими. Как и все пожилые люди, знавшие полунемецкий идиш и вежливых солдат кайзеровской армии, она вспоминала: «Немцы с нами ничего не сделают, ведь это культурная нация. На зло они не способны». Она отказалась от эвакуации и погибла.

Потом на Украине говорили уже по-другому: «Немцы пришли — «гут». Евреям «капут», цыганам тоже, украинцам позже». На устах у многих были слова: «Евреями растворяют, а замешивать будут на украинцах». Поскольку здесь было много людей, состоявших в так называемых смешанных браках, вместе с женщинами-еврейками на Бабий Яр пришли их украинские или русские мужья, а мужчин-евреев сопровождали их украинские или русские жены. Они хотели разделить со своими близкими судьбу «переселенцев».

— Кто повлиял на ваше решение стать музыкантом?

— Однажды меня пригласили в гости к спортивной команде, и какая-то девушка, чемпионка, задала вопрос: «Когда вы решили стать композитором?» Мне пришлось ей ответить: «А я ещё не решил...» Вот так я мог бы ответить и сейчас, но это было бы слишком оригинально, если учесть, что мне уже под девяносто...

Когда я решил заниматься музыкой — не помню. Сочинял музыку чуть ли не с рождения, когда ещё не умел разговаривать и ходить. Я, конечно, слышал разные мелодии, запоминал, но иногда меня посещали мелодии, которых я вроде бы не слышал. Мне кажется, это были первые сочинения. И это продолжается всю мою жизнь. Всё время звучат какие-то мелодии, днём и ночью, во сне или наяву. Но если ночью — тогда надо вставать, брать нотную бумагу, что-то писать, и я думаю: «Если песня хорошая, так она не уйдёт, а если плохая — то пропадёт, и Бог с ней!»

МАЛЕНЬКОМУ ВОВЕ 2 ГОДА И 8 МЕСЯЦЕВ.
КИЕВ. 3 АВГУСТА 1928

— Вы окончили консерваторию по классу скрипки. Почему именно скрипка? Традиционное желание еврейских родителей?

— Нет, тут сыграло другое, более прозаическое. Все говорили, что у меня удивительные музыкальные способности для малого ребёнка, — мне было лет шесть тогда. Мама взяла меня с собой в какой-то дом отдыха, и там мне сказали: «Вот из тебя пианист хороший получится!», а я ответил: «Но рояль и пианино очень дорого стоят, у нас денег не хватит». — «А на что хватит?» — «Ну, скрипка сколько стоит?» — «Гораздо меньше». — «Ну, на скрипку хватит!» Вот такие рассуждения сыграли роль в выборе музыкального инструмента.

— Когда вы приобрели свой первый рояль? Или пианино?

— Первое пианино было приобретено ещё в Киеве, мне было тринадцать или четырнадцать лет. Мне его купили, чтобы я многосторонне развивался в музыке. И всё это пришлось бросить — оно доста-

НАДПИСЬ НА ФОТОГРАФИИ: «Я, КОНЕЧНО, НЕ АПОЛЛОН, НО ЕСТЬ ВО МНЕ ЧТО-ТО ЭДАКОЕ...» МОСКВА. 1950

лось господам немецким оккупантам или их прихвостням. Правда, когда мы приехали в Москву, всё начали заново. Я жил в одной комнате с отцом, его второй женой и её дочерью от первого брака. И когда я приходил совершенно разбитый из консерватории, то расставлял несколько стульев, ложился и спал. И никто не говорил, что это тесно. Потом уже я переехал и жил вместе со своей мамой.

— Когда вы первый раз в жизни сочинили то, что называется песней?

— Первые записанные на ноты сочинения появились тогда, когда меня начали учить музыке, в девять с половиной лет. И уже через месяц появились первые сочинения в стиле той музыки, которую мне преподавали, — Моцарт, Бетховен, Бах. А первая мелодия, сочинённая на слова, появилась значительно позже, во время войны.

Когда мне исполнилось 17 лет, меня забрали в армию. Попал я в радиочасть:

мы изучали азбуку Морзе, таскали тяжёлые радиостанции по 34 кг. Нам предстояло впереди линии фронта корректировать огонь артиллерии. И вот однажды я услышал, как мой сослуживец и ровесник Толя Лебедев читал свои стихи, посвящённые нашей части. Первая строфа звучала так:

В небе облако клубится,
даль прозрачная ясна,
и невидимую птицей
мчится радиоволна...
Я сочинил мелодию к этим стихам.

— И как это было принято?

— Моим первым музыкальным критиком был наш сержант. Как-то он спросил меня: «О чём задумался?» — «Да вот, кажется, песню сочинил...» — «А ну спой!» Я спел ему, как умел. «Кажется, ничего». Сержант сказал лейтенанту. Тот послушал песню и говорит: «Кажется, ничего». Через несколько дней меня вызвали в штаб. Я спросил: «Зачем?» — «Да какую-

то песню разучивать». Оказалось, мою. По тревоге всю нашу часть выстроили на плацу, и с моего голоса за час её разучили. Эту песню пели все роты по дороге на завтрак, обед и ужин. Она солдатам очень нравилась.

А в скором времени меня отправили служить в другое место, за несколько тысяч километров. Я попал в музыкальный взвод, в оркестр. И там я услышал: солдаты идут и поют мою песню! Я говорю своим товарищам-музыкантам: «Ребята, а это я сочинил». Все меня подняли на смех: брось врать!..

Произведение должно иметь не только качество, зависящее от автора, но и судьбу, зависящую от окружения, от времени создания, от других обстоятельств. Например, песня «Дрозды». Первым её исполнителем был Эмиль Горовец. После того как он эмигрировал, песня стала «персоной поп грата». Мне посоветовали срочно передать её каким-нибудь другим певцам. И я передал её «Песнярам», которые спасли репутацию «Дроздов». Потом эту песню спела начинающая Алла Пугачёва, и это было одно из лучших исполнений. Но почему-то на телеэкране песня тогда не попала, может быть, потому, что начинающая Алла была слишком «своеобразной» для вкусов начальства. И вот нашёлся замечательный певец Геннадий Белов, обладавший удивительно душевным голосом, нашедшим прямую дорогу к человеческим сердцам. И песня пошла, и вошла в число «Песен года».

— То есть были трудности?

— Ну, всегда есть люди, которым всякое удачное произведение коллеги представляется явлением негативным. Например, какая была истерия по поводу «Лад»! Цитирую одного коллегу, не буду его называть: «При таком тексте, который является серым и безликим, и музыка получилась серой и безликой». Но в народе эта песня была безумно популярна.

— А как вы реагировали на критику?

— Никак. Тогда было модно выбирать объект для битвы, для ругани, использовать его в качестве боксёрской груши. Так что автор, избранный в качестве груши, мог гордиться: стало быть, кому-то его произведение досадило своей популярностью. Что касается меня, я ни разу в жизни не выступал, никого не ругал, и не только потому, что это аморально. Прежде всего, я не так уж верю в непогрешимость моих суждений. А вдруг это не так уж плохо, вдруг время внесёт свои коррективы? Ведь бездарная песня, как правило,

В УЧЕБНОМ АРТИЛЛЕРИЙСКОМ ПОЛКУ. ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ, КОВРОВ. 1943

О ТВОРЧЕСТВЕ РОБЕРТА РОЖДЕСТВЕНСКОГО КОМПОЗИТОР ГОВОРИЛ: «ЭТО ВЕЛИКИЙ ПОЭТ. Я ПРЕКЛОНЯЮСЬ ПЕРЕД ЕГО ТАЛАНТОМ». СЕРЕДИНА 1970-Х

ЛВЛА ЛЕЩЕНКО КОМПОЗИТОР ОСОБО ВЫДЕЛЯЛ СРЕДИ ОСТАЛЬНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ, С ТЕХ ПОР КАК ТОТ ЕЩЕ В СЕРЕДИНЕ 1960-Х ПЕРВЫМ ИСПОЛНИЛ ПО РАДИО «НЕ ПЛАЧЬ, ДЕВЧОНКА»

не становится долгожительницей. А подлинное искусство живёт. Поэтому сейчас я могу гордиться, что мои песни живут.

— Кто был самым первым исполнителем ваших песен?

— Самая первая певица, с которой я начал сотрудничать, была 16-летняя Алла Пугачёва; она записала песню «Как бы мне влюбиться» и ряд других, как детских, так и «взрослых», например «Цыганский хор».

— Вы общаетесь с Аллой Борисовной?

— Не могу сказать, что я дружу с Пугачёвой, хотя отношусь к ней с почтением и симпатией. Но я продолжаю быть в хороших отношениях, например, со Львом Лещенко. Когда-то дружил с Геннадием Беловым, Анной Герман, и это была, пожалуй, самая поэтическая страница в моей песенной биографии. До сих пор трудно смириться с мыслью, что их уже нет... Анна Герман очень рано ушла из жизни, и это утрата невосполнимая. Её голос звучал как серебряный ручей, без всякого напряжения, естественно, благородно, просто божественно! Она была именно божественной певицей. Мы с ней были большими друзьями, я её очень хорошо знал и уважал. Это был идеальный человек.

— Как оцениваете нашу современную эстраду?

— Я думаю, все согласятся с тем, что её никак не назовёшь достойной великой державы. Советское время было в значительной мере не самое лучшее для нашей страны, но советская песня всё равно лучшая в мире. И опуститься на тот уровень, на котором мы находимся сейчас, — позорно, это шаг назад, куда-то во времена нэпа, блатных песенок. Нам нужно подтягиваться, как на турнике, до уровня песен прошлых лет. Эстраду приватизировали люди предприимчивые, но далеко не самые талантливые. И не самые честные. Это сразу породило множество возможностей для «коммерсантов от искусства». Когда слушаешь некоторые песни, кажется, что людям специально стараются испортить музыкальный вкус. Час будут обсуждать произведение, которое и гроша ломаного не стоит, — бездарная самодетельность, ничтожные стихи... Я помню, во время войны, когда отступали наши войска, впервые по репродуктору мы услышали песню «Священная война» Александрова на слова Лебедева-Кумача в исполнении Краснознамённого ансамбля песни и пляски. И одна женщина, жена офицера, заплакала и сказала: «Нет, нас не победить! Нельзя победить народ, у которого такие песни!»

«ОБЛАКА ИЗ НЕВЕДОМОЙ СТРАНЫ»

— В XXI веке что-то поменялось по сравнению с XX?

— Ни черта не поменялось, но людей тех

нет... Большинство моих друзей и знакомых уже умерло. Они куда-то ушли и уже не вернутся никогда, я их провожал в последний путь. А ведь мои песни во многом зависели именно от них. Ну, например, помните классическое: «музыка Шаинского, стихи Матусовского...»? Это был настоящий творческий союз. Песней «Крейсер «Аврора» я и сейчас горжусь. Я не считаю, что это песня-подхалим, за которую мне следует теперь как-то опускать глаза или стыдиться. Это справедливая песня, это историческая, объективная песня. А его песня «Вместе весело шагать по просторам» — какие стихи! Это был один из наших самых крупных поэтов. Громаднейший профессионал, громаднейший! На его стихи я писал «Ну почему ко мне ты равнодушна» и целый ряд других песен. А его «Подмосковные вечера»!

А Роберт Рождественский! Он не только мой соавтор. Он соавтор целой плеяды

замечательных композиторов. И вообще, я считаю, что это великий поэт. Я преклоняюсь перед его памятью...

Я говорю о тех авторах, которые меня покинули. Я, наверное, не всех перечислил. А Ошанин? Он был в высшей степени порядочный человек, который подлости в отношении других людей и своих коллег не допускал. Михаил Рябинин, мой соавтор таких песен, как «Обручальное кольцо», «Родительский дом», «Один раз в год сады цветут»... Он умер, его тоже нет. А Иван Сергеевич Юшин, автор песни «Травы, травы»... Замечательные стихи! Он не был профессиональным поэтом, так и не успел им стать. Он уже был пожилым человеком, когда дал мне ознакомиться со своими стихами. И я выбрал именно это стихотворение. Там есть такие удивительные строчки: «Месяц с неба блёстки по лугам рассыпал, стройные берёзки что-то шеп-

чут липам...» Уже одно это стоит того, чтобы попытаться написать песню...

Раньше я приезжал из гастрольных поездок и, как правило, недосчитывался кого-то из моих поэтов, из моих певцов, из моих друзей. И сейчас я молю Всевышнего, если Он есть, чтобы Он хранил поэтов, певцов и вообще всех добрых, хороших людей.

— Кого из великих людей XX века вы знали лично?

— К сожалению, не близко знал, но горжусь, что был знаком с Шостаковичем. На меня производит огромное впечатление его облик, это был святой человек, кристальной чистоты. И его музыка кристальной чистоты.

— Какую музыку любите слушать?

— Ту же, что и в детстве. Моцарт, Бетховен, Бах — эти композиторы до сих пор мои самые любимые. Потом добавились Шопен, Чайковский, Мендельсон, Верди, Бизе... Или Шуберт. Какая простота, бездна обаяния! А как можно не любить Рахманинова, как можно не любить Чайковского? Чайковский одно время для меня был вообще весь мир.

— Почему вы писали много песен на детскую тему?

— Я не старался писать именно для детей. Видимо, мировосприятие у меня оказалось достаточно близким к детскому, а этим можно только гордиться. Поэтому некоторые из моих коллег считали меня недостаточно солидным, а подчас и эпатирующим окружающих. Меня вообще часто упрекают в недостаточной серьёзности. А я считаю, что слишком серьёзно относиться к тому, что ты делаешь, — это ошибка. К тому, что ты сделал, и вообще к любой вещи всегда надо относиться с улыбкой. И не всегда она должна быть восторженной и доброй. Она должна быть чуть-чуть иронична.

«А ЗВЕЗДЫ ТИХО ПАДАЛИ, КОГДА ЦВЕЛИ САДЫ»

— Ваше отношение к женщинам?

— Идеала женщины у меня не было никогда. Сейчас, пожалуй, можно говорить, что таким идеалом является моя нынешняя жена. И по внешности, — а ведь мы, мужики, сначала оцениваем внешний вид, — и по характеру. Детская непосредственность, открытые эмоции, переход от самого весёлого смеха к негодованию — вот такая она у меня! Но я слишком поздно для себя открыл эту девушку. У нас разница сорок один год. Это, как говорится, немножко многовато.

— Считаете, что это неравный брак?

— Непривычный, конечно, но в ежедневном общении мы этого не чувствуем. Может быть, это чисто моё заблуждение, может, она и ощущает, а мне просто не

С МАМОЙ. В КОМНАТЕ НА ПАТРИАРШИХ ПРУДАХ. КОНЕЦ 1940-Х

показывает вида... Хотя нет. Такое открытое существо, как моя жена, не стало бы долго терпеть.

— Жена занимается только семейными делами или выступает как импресарио?

— Вообще-то она воспитывает наших детей. Она пока не научилась быть импресарио. По менталитету, по характеру она всё равно гораздо моложе своих лет.

— В творческих вопросах советуетесь с ней?

— Обязательно! Мне хочется, чтобы моя музыка ей нравилась. И всегда считал: если пишу песню, то она должна нравиться простым девушкам. Если меня спросят, кому ты больше доверяешь — учёному-музыковеду или фабричной девчонке, скажу: фабричной девчонке. Если бы Светлане не нравились мои песни, она бы просто не обратила на меня внимания. Многие считают меня очень богатым человеком и думают о финансовой причине её замужества. Они ошибаются. Моя жена никогда не относилась ко мне с расчётом, она видела, какой я на самом деле.

— Не было ли у вас планов заниматься классической музыкой?

— Я её писал. Думаю, что и сейчас ещё не поздно. Но не обязательно писать грандиозные формы. Можно делать миниатюры для скрипки, рояля и других инструментов. Музыка рождается по-разному. У меня — иногда среди ночи. Писание музыки — дело особое. Это ведь не как по-современному: нажал пару кнопок на клавиатуре компьютера: Ctrl, Alt — и порядок. Она берётся из головы, мозга. Из живота. Кто-то может сочинять музыку, только выпив. В последний период жизни замечательный композитор Мокроусов писал практически всегда после, скажем так, большого веселья. Соловьёв-Седой песню «Подмосковные вечера» — тоже.

— Неужели это чувствуется по музыке?

— Ну что вы! Музыка великая. Сразу, после первого исполнения, стала народной. Эту песню поют все поколения и по сей день. Но именно в таком состоянии напряжения у него рождалось вдохновение. «Подмосковные вечера» исполнил Владимир Трошин. Удивительный голос, удивительная душа! Песни той эпохи он пел ненапряжённо, неназойливо. Никакого насилия над слушателем — как раз то, чего больше всего людям в те годы не хватало. Я сразу обратил внимание на его манеру исполнения.

— Вам удавалось следить за музыкальной модой? Соответствовать эпохе получалось?

«Я БЫЛ ЗАЯДЛЫМ КУРИЛЬЩИКОМ. ВЫСАЖИВАЛ ПО 4 ПАЧКИ В ДЕНЬ. НО В 1977 ГОДУ БРОСИЛ И ЗАНЯЛСЯ ПОДВОДНЫМ ПЛАВАНЬЕМ». НА ФОТО — ПОСЛЕ ПОДВОДНОЙ ОХОТЫ НА ВОЛГЕ. 1979

— Я всегда соответствую. Я должен быть в курсе, должен плавать в современном океане, а не в океане ледникового периода. Помню, — это было давно, — какой-то молодой парень написал: «Когда я слышу первые аккорды Шаинского, я сразу узнаю, что это Шаинский». Мне это было важнее важного.

— Получается, вы тщеславный?

— Не скажу, что очень. Есть люди гораздо более тщеславные. Нельзя терять человеческого облик, а популярные люди часто доводят своё тщеславие до абсурда.

— Вы верующий?

— Я не могу поверить, что когда-нибудь я уйду и меня больше не будет. Это вопрос, который всегда останется для меня без ответа, самый глубокий, философский. Если меня спросят: будет ли мне жалко расставаться с этим миром, с этим небом, с этими облаками, с этими людьми? — да, будет. Очень. Но я верю, что, уйдя из этого мира, я попаду в другой, где будут свои облака, деревья и все. Посмотрим...

— Песни Шаинского часто вызывают не только улыбку, но и слёзы...

— Да, бывает доверительное отношение к моим песням, и это нормально. Скажем, песня «Когда цвели сады» Анны Герман исключительно лирическая. Если песня пронзительная и вызывает слёзы, это же не минус, а, наоборот, достоинство.

— Как и все, вы, наверное, когда-то совершали поступки, которые не украшают?

— Есть один такой поступок, который не могу себе простить. Я плохо ухаживаю за могилой моей мамы. Вот за это мне стыдно. А за остальное...

К счастью, я не совершал такого, за что мне приходилось бы краснеть. Но плакать приходилось. Очень. Впрочем, слёзы бывают святы, которых не надо стыдиться.

Записал Юрий Панков
Фото из архива издательства
«Автограф века»

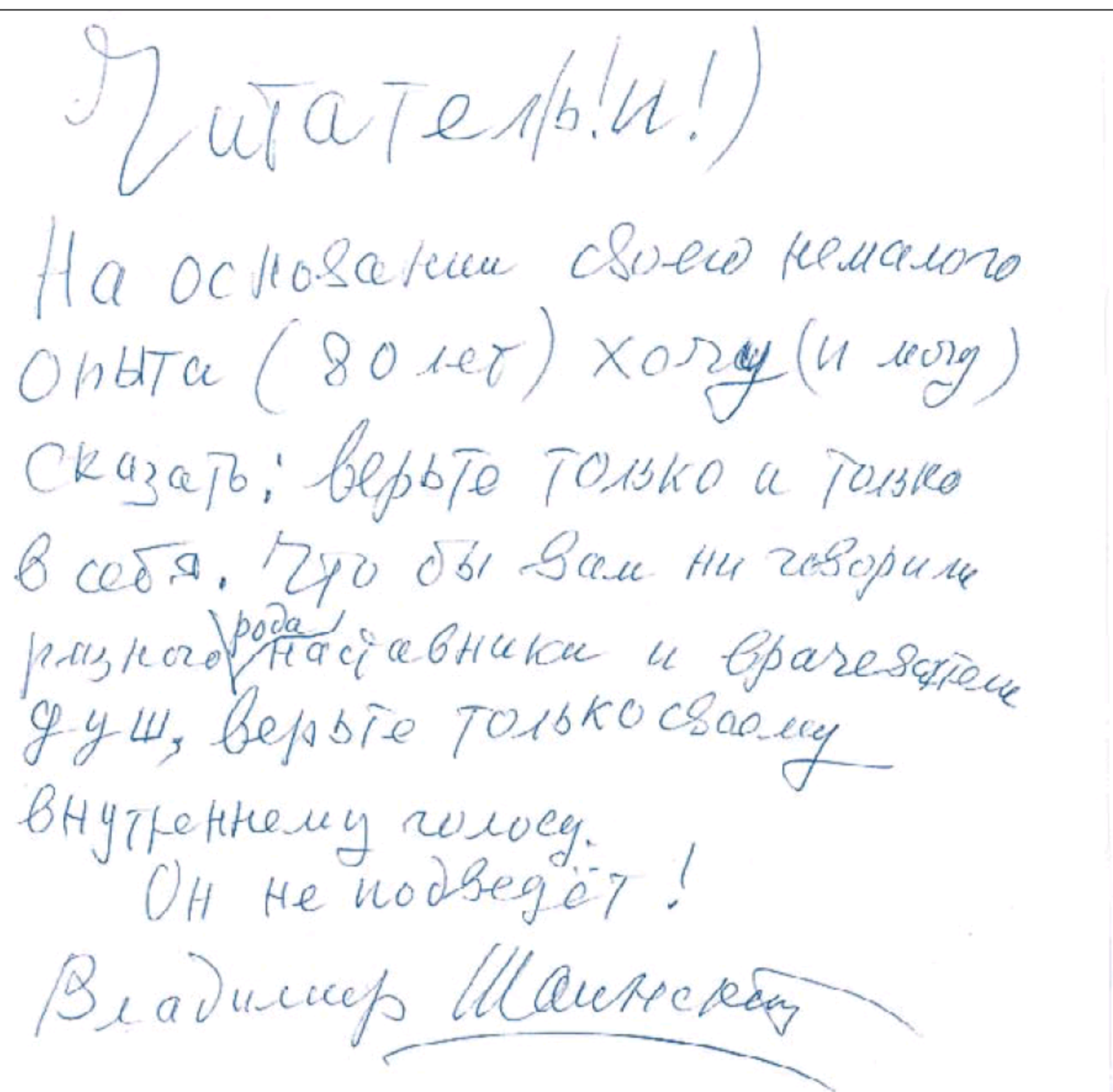
Справка: Шаинский Владимир Яковлевич родился 12 декабря 1925 года в Киеве. Во время войны в эвакуации окончил два курса Ташкентской консерватории. В 17 лет был

призван на воинскую службу. После демобилизации в 1945 году поступил на 3-й курс оркестрового факультета Московской консерватории по классу скрипки. В 1949 году получил диплом по специальности «солист-скрипач, педагог». До 1951 года — артист оркестра Утёсова. С 1952 по 1962 год — преподаватель музыкальной школы и оркестровщик для эстрадных оркестров. В 1962—1965 годах — студент Бакинской консерватории по классу композиции.

Написал более 300 популярных песен. Среди них: «Дрозды», «Берёза белая», «Уголок России», «Багульник», «Когда цвели сады», «Белые крылья», «Не плачь, девчонка», «Идёт солдат по городу», «Цыганский хор», «Песня Крокодила Гены», «Улыбка», «Через две зимы», «Кузнечик», «Антошка», «Про папу», «Пропала собачка», «Облака», «Мамонтёнок», «Любви негромкие слова», «Голубой вагон»... Автор десятков мелодий из любимых художественных и мультипликационных фильмов. Среди них: «Анискин и Фантомас», «Завтрак на траве», «Школьный вальс», «Финист, ясный сокол», «Пока бьют часы», мультфильмы «Чебурашка», «Шапокляк», «Катерок», «Крошка-енот», «Трям! Здравствуйте!»...

ОТДЫХ В ВЫХОДНЫЕ ДНИ. КОНЕЦ 1970-Х

ОБРАЩЕНИЕ В.Я. ШАЙНСКОГО К ЧИТАТЕЛЯМ КНИГИ «АВТОГРАФ ВЕКА».

«И САМ МАРСЕЛЬ МАРСО ЕЙ ЧТО-ТО ГОВОРИЛ»

Лариса Лужина: «Меня называли «улыбающейся манекенщицей». За то, что на всех показах всегда шла и вся сияла. Именно там меня заметила ассистентка режиссёра фильма «Незванные гости»

Андрей КОЛОБАЕВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

О ней кто-то здорово сказал из коллег: даже если бы Лариса Лужина совсем ничего не сыграла в кино, она всё равно, подобно Анне Керн, вошла бы в историю только потому, что была воспета и увековечена в стихах, которые в нашей стране знает каждый. Но, к счастью, она сыграла много ролей в картинах эпохальных и даже культовых — недаром уже много лет её величают не иначе как «звезда советского экрана».

Правда, сама Лариса Анатольевна во многих своих интервью признаётся, что настоящей звездой себя никогда не ощущала. Да и неотразимой красавицей — тоже: считает, что у неё неправильные черты лица, широкая кость. «Из красоты у меня, — улыбается она, — только мои зелёные глаза, которые могут менять цвет. Вот они мне до сих пор нравятся!» О себе говорит без лукавства: «Я вообще не причисляю себя ни к легендарным, ни к выдающимся. Я хорошая актриса. Но не более». А свою успешную актёрскую судьбу объясняет чистой воды везением.

Да, ей часто, можно сказать, везло. В СССР — «железный занавес», а она с первой же своей большой картиной «На семи ветрах» триумфально едет на кинофестиваль в Канн. Вскоре ей устраивают овации на кинофорумах в Карловых Варах, Осло, Варшаве, Гаване, молодая актриса танцует на балу в гостях у иранского шаха, восточногерманская Киностудия DEFA (по тем временам — «европейский Голливуд») заключает с ней четырёхлетний контракт... А уж о романах Ларисы Лужиной до сих пор ходят легенды. Говорят, именно она в последний момент вырвала из рук охотничье ружьё и спасла от суицида одного из своих возлюбленных — актёра Александра Фадеева, сына легендарного создателя «Молодой гвардии». Так это или нет, Лужина не комментирует, но известно точно: в начале 1960-х она была музой Булата Окуджавы, ей он посвятил стихотворение «Море Чёрное». Другого знаменитого поэта и барда, Владимира Высоцкого она вдохновила на знаменитую песню «Она была в Париже». Везение, его величество случай? Да нет. Когда на съёмках «Вертикали» нужно было «с ледорубом в зубах» реально взбираться на двухтысячники Кавказа или, работая на DEFA, с нуля выучить немецкий язык, тут не до его величества — нужно просто пахать!

Между тем в её жизни хватало не только ярких взлётов, но и трагедий. В 30 лет актриса перенесла инсульт. В 32 решила на женский подвиг — родила сына, хотя врачи из-за всех сил отговаривали, считали, что оба могут не выжить. Ещё через несколько лет случилась семейная катастрофа: тяжело переживая предательство третьего мужа, Лужина едва не наложила на себя руки — выпила смертельную дозу таблеток. Как спустя годы признавалась, «по дураости». Но и тут, похоже, без ангелов-хранителей не обошлось.

Сегодня народная артистка России Лариса Лужина живёт в одном из живописнейших районов Москвы — Крылатском. Своей возраст (4 марта исполнилось 79 лет) особо не скрывает, говорит, что ощущает

ЛАРИСА ЛУЖИНА В СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ. НАЧАЛО 1960-Х

себя на 50. По-прежнему востребована — снимается, ездит на фестивали, встречается со зрителями. В прошлом году издала книгу мемуаров «Жизнь по вертикали» с шикарными фотографиями из личного архива. Её работоспособность и лёгкость на подъём вообще поражают: актрису не пугают ни роли в сериалах на 200 — 300 серий, ни даже 12 — 17-часовые рабочие смены: «Ради интересной работы я до сих пор готова горы свернуть!»

ГЕРАСИМОВ СКАЗАЛ: «ДЕТОЧКА, БЕРУ!»

— Лариса Анатольевна, говорят, ещё во младенчестве вам что-то необычное предсказали. Что именно?

— Я родилась с длинными волосами, настолько длинными, что все в роддоме удивились. И цыганка нагадала, что я буду пользоваться огромным успехом у мужчин, а в итоге останусь одна.

— Сбылось?

— Я считаю, что да. Потому что не могу пожаловаться на мужское невнимание — четырежды была замужем. И я как сумасшедшая влюблялась, и меня безумно любили. Все мои романы были замешаны исключительно на страсти, ничего другого вокруг не существовало. И выходила замуж только по взаимной любви. А на сегодняшний день такого близкого, любимого человека, с которым могла бы делить все радости и невзгоды, рядом нет. Я сейчас не говорю о четырёх моих замечательных мужиках: сыне Павле Шувалове и трёх внуках — Данииле, Матвее и Прохоре... Хотя, с дру-

гой стороны, что здесь необычного? Не все же пары всю жизнь живут счастливо и умирают в один день. Одиночество можно предсказать ещё до рождения практически любому.

— Яркую актёрскую судьбу в детстве что-нибудь предвещало?

— Да нет, пожалуй. Насколько я знаю, в моей родне никогда актёров не было. Да и время какое тяжёлое было — война! Мои папа, бабушка, старшая сестрёнка Люся умерли страшной смертью — от голода и бомбёжек в блокадном Ленинграде. Как мы с мамочкой уцелели, до сих пор для меня загадка. Ели всё: варили кожаные ремни отца, клейстер с обоев... Правда, стихи я с самого раннего детства любила, многие помнила наизусть и с удовольствием декламировала.

— Первое публичное выступление осталось в памяти?

— Когда блокаду сняли, мы с мамой оказались в эвакуации — в городке Ленинск-Кузнецком Кемеровской области. Мама устроилась работать на мясокомбинат. В канун нового, 1945 года руководство устроило для детей работников предприятия праздник. На нём я читала стихотворение Александра Твардовского «Рассказ танкиста». Старалась читать повыразительнее... Никогда не забуду, как произнесла последние строки: «Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку, но как зовут, забыл его спросить», — и вдруг вижу: все в зале плачут. Директор мясокомбината взяла меня на руки, отнесла за сцену и вручила... котлету. Такой вкусноты и такого запаха никогда больше не было в моей жизни — до сих пор её вкус помню. Это была моя первая актёрская награда!

— Теперь давайте по порядку. Откуда тяга к сцене?

— В моей актёрской судьбе немало случайного. Я родилась в Ленинграде, но после войны мы с мамой оказались у родственников в Таллине. Там я с детского сада до института — всё своё детство, отрочество и юность провела. Ещё в школе попала в великолепный молодёжный драмкружок — из него вышли много талантливых и впоследствии ставших знаменитыми артистов, среди которых Володя Корнев, Игорь Ясулович, Виталий Коняев... Свои спектакли мы показывали даже на профессиональной сцене! И, конечно, все мечтали стать актёрами. Я поехала поступать в Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии, рассудив: всё-таки поближе к дому. Но провалилась на первом же туре.

— В приёмной комиссии вам объяснили причину?

— Сказали: чувствуется прибалтийский акцент, хотя никакого акцента у меня не было. Думаю, причина была в том, что переволновалась, была скованная, сжатая и не раскрылась толком. Вернулась с мыслью: «Значит, недостойна, нет у меня искры Божией». И пошла работать — надо же было маме помогать, не сидеть же у неё на шее. Сначала упаковывала таблетки на фармацевтическом заводе, потом выдавала по формочкам зефир на кондитерской фабрике «Калев».

— Ничего себе! «Сладкая» жизнь!

— На самом деле врагу такого не пожелаешь! Работа в три смены по восемь часов, две из которых ночные, — физически очень трудная, нудная, неинтересная. А платили

ЛАРИСЕ 3 ГОДА. ЛЕНИНГРАД. 1942

копейки. За полтора года, что я там проработала, надышалась сахарной пудрой так, что до сих пор даже видеть этот зефир не могу... Однажды в газете наткнулась на объявление: в Таллине открылся Дом моделей, идёт набор манекенщиц. И я, никому не сказав, пошла показываться. У меня была стройная точёная фигурка, рост 172, я им подошла. Меня называли «улыбающейся манекенщицей».

— За солнечную улыбку?

— За то, что не выглядела отрешённо, как тогда было принято на подиуме, на всех показах всегда шла и вся сияла, настолько чувствовала себя счастливой. Именно там в 1959 году меня заметила ассистентка режиссёра фильма «Незванные гости» Лейда Лайус. В результате я получила приглашение сыграть в этом фильме крошечный эпизодик — певицу ночного кабаре. Всего несколько секунд в кадре: я «спела» под фонограмму — и всё. Но этот эпизод перевернул всю мою жизнь. Вскоре Герберт Раппапорт пригласил меня на главную роль в картине «В дождь и в солнце».

— Вы почувствовали, что это шанс?

— Я тогда вообще об этом не думала. Я мечтала о театральной сцене, а не о кино. Но Лейда Лайус, которая училась на режиссёрском факультете во ВГИКе, опять поучаствовала в моей судьбе. Она узнала, что Сергей Герасимов и Тамара Макарова добирала в свою мастерскую во ВГИКе двух учениц, и показала Герасимову мою фотографию из фильма «Незванные гости». А там у меня причёска под Марину Влади, ресницы наклеены, полуобнажённая почти... Он посмотрел неодобрительно на это безобразие и говорит: «Я ничего здесь не вижу, пускай приезжает сюда!» Мы с мамой вдвоём жили, лишних денег в семье на поездку не было. И тут удача: получаю приглашение в Москву на пробу в новую картину Алова и Наумова «Мир входящему». На «Мосфильме» мне оплатили билет, поселили в гостиницу «Украина», а Герасимов и Макарова жили в двух шагах от гостиничного корпуса. Набралась я смелости, пришла к ним домой и прочитала монолог Ларисы Дмитриевны из «Бесприданницы». Сергей Аполлинариевич сказал: «Деточка, беру!» Помню, от радости я прыгала в их квартире до потолка!

ДОН ГУАН И СОЦРЕАЛИЗМ

— Во ВГИКе вы оказались в очень интересной компании юных дарований: с вами учились Николай Губенко, Галина Польских, Жанна Болотова, Жанна Прохоренко, Сергей Никоненко, Евгений Жариков...

— Там были ещё Тania Гаврилова, Булат Мансуров, Карен Хачатурян — сын композитора Арама Ильича Хачатуряна. У нас был очень дружный курс, тогда даже говорили, что чуть ли не самый-самый дружный за всё время существования вуза. Все друг другу помогали, поддерживали, бесконечно устраивались какие-то вечеринки. Студенческая жизнь в общежитии для меня — самый весё-

лый и счастливый период! Но сразу после окончания ВГИКа вся наша дружба куда-то улетучилась...

— С тех пор вообще не общаетесь?

— К сожалению, многих однокурсников уже нет в живых, а остальных жизнь развела. Правда, несколько лет назад в марте на мой юбилей многие звонили, поздравляли. Сергей Петрович Никоненко с Кареном даже заехали в гости. Конечно, мы с удовольствием повспоминали молодость, смешные случаи, курьёзы и «поумирали» со смеху.

— Например?

— Помню, Серёжа Никоненко... Это потом он стал такой мужичок, а тогда это был совсем мальчик, невысокого росточка, тельце такое с цыплячьей грудкой. А всё время хотел выглядеть мужиком! Сдавали Герасимову, Макарову, Кулиджанову и Лиозновой сцену из «Разбойников» Шиллера — когда разбойники собираются в лесу. Все знали, что Сергей Аполлинариевич очень любил реализм на сцене.

— Всё должно быть натурально — дождь так дождь?

— Да! И мы воспринимали его слова за чистую монету. Вот и Серёжа решил: раз он играет разбойника, значит, должен быть заросший шерстью, со зверской гримасой на лице. Наклеил себе лохматую бороду, усы, волосатую грудь. Мало того, перед показом он выпросил у мясников из соседнего продуктового магазина огромную кость со свищающими кусками мяса. А когда открылся занавес, он так реалистично и смешно начал «рвать» зубами это мясо, что Тамаре Фёдоровне Макаровой «стало плохо». Герасимов держался за живот, в зале стоял просто гомерический хохот... А другой случай смешной тоже связан с Никоненко. В одном из наших студенческих этюдов (он играл Дона Гуана, а я — Донну Анну) он опять решил симпровизировать: не стал клеить усы, а нарисовал себе красивые испанские чёрненькие усики. И вот с криком: «Донна Анна, я у ног твоих!» — Серёжа кидается передо мной на колени. Но от волнения он так вспотел, что одновременно с криком «Донна Анна!» усы размазал — аж до уха. Я выдержать этого не смогла — увидела его с одним усом и начала дико хохотать. «Ржа» в зале стояла такая, что сразу пришлось занавес закрывать. Думали: всё — провалились. А Герасимов говорит: «Они с Ларисой в паре очень даже хороши!»

ФУРЦЕВА ВЫЧЕРКНУЛА МЕНЯ КРАСНЫМ КАРАНДАШОМ

— Настоящую славу и зрительскую любовь вам принесла военная драма Станислава Ростоцкого «На семи ветрах», в которой вы снялись ещё первокурсницей. И сразу в главной роли!

— Да, эта роль принесла мне успех. В те годы многие фильмы — и «Летят журавли», и «Дом, в котором я живу», и «Баллада о солдате» и некоторые другие делали даже начинающих актёров суперпопулярными сразу — в одно мгновение. Но тогда и время было такое — люди шли в кино семьями как на праздник, кинозалы всегда были битком. То и дело спрашивали перед сеансом: «Нет ли лишнего билетика?» Кстати, в этот фильм я попала благодаря Герасимову. Дело в том, что у Станислава Ростоцкого уже была на примете исполнительница главной роли — Светланы Ивашовой, но Герасимов, худрук Киностудии имени Горького (а он всегда по-отечески заботился обо всех своих учениках!), порекомендовал меня. И более того, впоследствии ещё и отстоял мою кандидатуру, так как Станислав Иосифович в разгар съёмки хотел меня с роли снять.

— За что?

— Всем говорил, что ему не нравится, как я работаю.

— А на самом деле?

— Понимаете, Ростоцкий влюблялся во всех своих героинь и хотел иметь с ними близкие отношения. И артистки чаще всего отвечали ему взаимностью. А у меня в то время уже был роман с будущим первым

С БАБУШКОЙ КАТЕРИНОЙ-АМАЛИЕЙ ПЕТЕРСБЕРГ И МАМОЙ

ВО ДВОРЕ СВОЕГО ДОМА НА УЛИЦЕ КАУПМЕХЕ В ТАЛЛИНЕ. СЕРЕДИНА 1950-Х

ЛАРИСА ЛУЖИНА В РОЛИ МАМЫ ЮРИЯ ГАГАРИНА НА СЪЁМКАХ ФИЛЬМА «ТАК НАЧИНАЛСЯ ЛЕГЕНДА». ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ. 1976

мужем — оператором Лёшей Чердынниным, и я — ну ни в какую. Росточкий из-за этого страшно злился, отчего, наверное, и не мог со мной работать — «не чувствовал отдачи». Во время просмотра художником отснятого материала он заявил, что «Лужина его не устраивает — она не справляется со сложной драматической ролью». На что Сергей Аполлинариевич ответил: «Стасик, ты — скульптор, она — глина. И если не получается из неё вылепить хорошую скульптуру, значит, ты ваятель никудышный! Уж я-то возможности Ларисы знаю. К тому же мне и отснятый с Лужиной материал нравится». Так я осталась, и постепенно мы с режиссёром нашли общий язык. И фильм в результате получился, я считаю, прекрасный. Ведь там такой грандиозный актёрский состав: Вячеслав Тихонов, Анатолий Ромашин, Заманский, Чурсина, Павлов, Лёня Быков... А вскоре для меня и вовсе началась какая-то волшебная сказка — я в составе советской делегации поехала представлять «На семи ветрах» на Международный кинофестиваль в Канн, представляете?! Гуляла по Парижу, перед показами ходила по одной ковровой дорожке с настоящими звёздами мирового кино Робером Оссейном, Натали Вуд, Моникой Витти и её мужем — великим Микеланджело Антониони...

— Из-за чего там разразился скандал, когда вас хотели сделать невыездной «на веки вечные» и вообще поставить жирный крест на карьере?

— (Смеётся.) Вышло так, что я «опорочила» высокое звание советской актрисы! ... Наша делегация была очень представительная — режиссёры Герасимов, Райзман, Росточкий, Чухрай, Кулиджанов, а из молодых — актрисы Инна Гулая и я. По случаю нашего приезда в советском посольстве был торжественный приём, где один американский журналист попросил меня станцевать твист. На столе! Я ответила, что, во-первых, твист не танцую, а на столе — тем более. Хотя умела, потому что в нашей виковской общаге было полно иностранцев, которые прекрасно его танцевали и меня втихаря научили. В Америке и Европе твист только-только вошёл в моду, а у нас считался вульгарным и непристойным как «тлетворное влияние Запада» и, по сути, был запрещён. Но этот журналист пристал: идём танцевать, и всё. Я — ни в какую. Тогда Сергей Аполлинариевич говорит: «Ты же хозяйка этого вечера! Не позорь меня, иди». Мы станцевали. А через день фотография с подписью «Сладкая жизнь советской студентки», на которой изображена я, отплясывающая твист, появилась на обложке журнала Paris Match. Этот журнал тут же оказался на столе министра культуры Екатерины Алексеевны Фурцевой, и из состава следующей делегации — на фестиваль в Карловых Варах — она меня вычеркнула красным карандашом. Если бы Герасимов не взял всю «вину» на себя, сказав, что это по его просьбе я «спасала честь родной страны», думаю, больше меня не выпустили бы никуда.

— Из поездок на международные фестивали что больше всего запомнилось?

— Тогда же проводились не только фестивали, но и Недели советского кино по всему миру. Помню, прилетаем с Тamarой

С ВЯЧЕСЛАВОМ ТИХОНОВЫМ НА ВЕЧЕРЕ, ПОСВЯЩЁННОМ 40-ЛЕТИЮ ВЫХОДА КАРТИНЫ СТАНИСЛАВА РОСТОЦКОГО «НА СЕМИ ВЕТРАХ». МОСКВА. 2002

Макаровой и Герасимовым на такую Неделю в Иран и на роскошном балу у иранского шаха узнаём об убийстве Президента США Кеннеди. Все газеты мира сразу начали трубить: «Это «рука Москвы»!» А тут ещё как на грех наш военный самолёт «вторгся в воздушное пространство Ирана», и на этой почве разразился крупный международный конфликт... Ужас! Ситуация была настолько напряжённая, что во время показов советских фильмов местные кинотеатры были оцеплены автоматчиками — вооружённые до зубов военные стояли даже в проходах. Нас предупредили, что из отелей на улицу лучше не выходить — могут быть провокации. Но, к счастью, всё обошлось. И зрители принимали наши фильмы очень тепло — на ура.

— Перед выездом инструктаж был традиционный — «по одному не ходить», «достижениями Запада вслух не восхищаться»?

— Особенно жёстким был инструктаж перед поездкой в Ирландию, в город Корк: «в дискуссии ни с кем не вступать», «на просмотры не ходить», «соблюдать этикет, три раза в день переодевать туалеты». Это было нелепо: откуда у студентки столько туалетов?! Помню, нас со Станиславом Росточким пригласили на просмотр документального фильма «От царя до Сталина», снятого западными немцами. Весь город был обклеен афишами, на которых были крупно изображены Николай II и Иосиф Сталин — на фоне обмотанных колючей проволокой, окровавленных людей. И мы не знали, как себя вести — идти или не идти. Ближайшее советское представительство только в Лондоне, посоветоваться не с кем, поэтому Росточкий из своего номера стал звонить в Москву, в Союз кинематографистов: что нам

делать? В результате куда мы не дозвонились и на свой страх и риск на показ пошли. Так что вы думаете? На следующий день утренние газеты вышли с заголовками, смысл которых был в том, что советская делегация ежедневно звонит за разрешением «чихнуть» чуть ли не в ЦК КПСС. То есть инструктировали нас не зря — все наши телефонные разговоры прослушивались. Самое смешное, что все остальные делегации в знак солидарности с СССР этот показ проигнорировали, а мы с Росточким сидели в зале как две белые вороны.

— Став известной и популярной, что ощущали? Ведь наверняка поклонники на улице вам не давали прохода, заваливали цветами, купали в шампанском...

— Нет, в шампанском точно не купали... Говорю вам искренне: звездой себя никогда не ощущала. Я умею смотреть на себя как бы со стороны. А остальное было — меня везде узнавали, письма получала со всего Советского Союза. Кстати, одного адресанта даже запомнила навсегда. Когда фильм «Тишина» вышел на экраны, я вдруг стала получать письмо за письмом... из тюрьмы. Писал 30-летний мужчина, осуждённый ещё 18-летним за убийство. Мол, влюбился в мою героиню, «благодаря вам заново пересмотрел всю свою жизнь», посвящал мне стихи. И всегда в конце приписка: «мне осталось сидеть...» сначала 300 с чем-то дней, потом 200, 100. В последнем известил: такого-то числа он приезжает в Москву, чтобы я его встречала на Белорусском вокзале. «Намерения серьёзные — жениться!» Естественно, я никуда не пошла, но адрес-то он мой знал. Вдруг звонок, открываю дверь — стоит мужик, бледный, худой. Я сразу поняла, что это он. Говорит: «Мне — Ларису

Лужину!» «Это я», — робко отвечаю. А сама — ни жива ни мертва. Он так смерил меня взглядом: «Нет, это не вы!» И ушёл. А я так обрадовалась, что он меня не узнал. Мало ли что могло случиться?!

А из курьёзных случаев, связанных с популярностью, больше запомнился такой. Еду как-то в трамвае, и рядом ребята, сильно подвыпившие. Один говорит, глядя на меня: «Бабу я эту знаю точно. Но где видел?» Другой присмотрелся: «А почему я её не знаю?» Стали выходить, первый: «Вспомнил, где её видел...» Ну, думаю, сейчас скажет: «Это же актриса Лариса Лужина!» А он: «Это же бригадир со второго строительного участка!»

«Я БЫЛА РЯДОМ С ХОРОШИМИ, ПОРЯДОЧНЫМИ ЛЮДЬМИ»

— Если оглянуться назад, в тройку своих самых любимых фильмов какие бы занесли?

— У меня таких не три, а четыре. В первую очередь — «На семи ветрах», который считаю своей визитной карточкой. Ведь там я сыграла практически саму себя — юную девушку, обожжённую войной. «Вертикаль» — не потому, что я там что-то сделала чисто актёрски: эта картина мне дорога исключительно благодаря Владимиру Семёновичу Высоцкому и его песням для этого фильма. Очень люблю «Любовь Серафима Фролова» и «Исполнение желаний» Светланы Дружининой, где у меня были очень необычные и неожиданные для меня роли. Плюс шикарные партнёры: Иннокентий Михайлович Смоктуновский, Евгений Лебедев, Коля Ерёмченко, Наташа Бондарчук.

— С кем ещё из партнёров вам комфортнее всего работало?

— Я считаю, что у меня все партнёры были хорошие. Каждый был по-своему интересен: и Вячеслав Тихонов, и Лёня Быков, и Анатолий Кузнецов, и Лёня Куравлев, и Анатолий Ромашин, и Виталий Коняев... Мне повезло: была рядом с хорошими, порядочными людьми.

— Романы на съёмочной площадке у вас случались?

— Единственный за все годы служебный роман у меня был с Сашей Фадеевым на съёмках картины «Вертикаль», да и то по фильму он не был моим партнёром.

— А Вячеслав Тихонов? На днях к его 90-летию показывали «На семи ветрах», так в ваших глазах там такая обоюдная страсть. Миллионы женщин Советского Союза того времени, окажись они на вашем месте...

— Конечно, в него все были влюблены, особенно женщины. Но в том-то и дело, что он не в моём вкусе. А я и не пыталась Тихонова окрутить. По сценарию мы даже не целовались. У нас были нормальные — ровные, рабочие отношения. К тому же это

ЛАРИСА ЛУЖИНА И ИННА ГУЛАЯ НА КАННСКОМ КИНОФЕСТИВАЛЕ. 1962

СЕРГЕЙ ГЕРАСИМОВ СЧИТАЛ, ЧТО ЕГО СТУДЕНТЫ ЛАРИСА ЛУКИНА И СЕРГЕЙ НИКОНЕНКО НА СЦЕНЕ НЕВЕРОЯТНО ГАРМОНИЧНЫ. НАЧАЛО 1960-Х

он на экране играет обаятельных, общительных людей, а в жизни он другой: всегда мне казался чересчур высокомерным, всех держал на дистанции. Словом, человек, достаточно сложный для общения. Хотя как партнёр — прекрасный! Если честно, актёров я вообще за мужиков не считаю. (Смеется.) Они ещё хуже женщин! А если, не дай Бог, ты ещё и знаменита... Господи, они становятся такими ревнивыми к твоей славе! Нет, артисты меня никогда не привлекали. Мне всегда нравились операторы — загадочные, молчаливые, мужественные. Два моих мужа были операторами.

— Лариса Анатольевна, а как вы попали в «Вертикаль»?

— Пригласили режиссёры: Станислав Говорухин с Борей Дуровым. Собрали актёрскую команду — Саша Фадеев, Гена Воробаев, Лида Кошелева, Высоцкий, я. Проб не было — мы сразу поехали в горы сниматься.

— Пришлось взбираться на вершины Кавказа? Или только делали вид?

— У Говорухина же был разряд по альпинизму, поэтому он и всех нас приобщил к горам основательно. Так что два самостоятельно взятых двухтысячника в активе у нас есть. Название одного из них — Вулей — я запомнила, потому что именно там, когда мы дошли и увидели всю эту неземную красоту, как будто бриллиантами, усыпанные снегами горы, Володя написал строчки: «Весь мир на ладони, ты счастлив и нем и только немного завидуешь тем, другим, у которых вершина ещё впереди».

Это был 1967 год, и Высоцкий тогда уже был запрещённый. Я хорошо помню, как художественный совет Одесской киностудии категорически не хотел его утверждать на роль, но Говорухин отстоял, обещал, что песен Высоцкий петь не будет. Но, естественно, без песен не обошлось... Теперь то всем ясно: если бы не песни Володи, кто бы этот фильм знал сегодня? Все они были написаны на наших глазах. Например, «Если друг оказался вдруг» появилась после трагедии, когда рядом попала под камнепад группа из четырёх человек. Один альпинист погиб, двое были ранены, и Говорухин с Дуровым и Высоцким помогали их спускать вниз.

— После «Вертикали» о вас заговорили как о единственной женщине, не ответившей взаимностью на чувства Высоцкого. Признайтесь, что помешало? Уж его-то в актёрской ревности и немужских качествах трудно заподозрить.

— Я была замужем, но наш брак в то время был уже на грани разрыва. К тому же как раз там, в горах, я влюбилась в Сашу Фадеева, приёмного сына писателя Александра Фадеева, который играл одного из альпинистов. Высокий, красивый парень, у нас был очень бурный «горный» роман. А Володя? Володя относился ко мне как к звезде, пытался ухаживать. Но вовсе не был влюблён, это миф. Он был очень хороший человек, очень открытый, душа компании, коллектива, застолья, хотя в то время совсем не пил. Когда он пел, конечно, можно было в него влюбиться, но не более того. К тому же он был жутко влюбчивый — за всеми ухаживал.

— Но не всем же он посвящал свои песни, как вам?

— Думаю, просто так совпало. Я ему рассказывала о своих зарубежных приключениях — о поездках в Париж, Осло, Варшаву, ведь я была единственной в нашей съёмочной группе, которая побывала за границей. А он взял и написал. Помню, приехал откуда-то, сказал мне: «Я тебе песню посвятил». И спел всем нам: «Но что ей до меня? Она была в Париже. И сам Марсель Марсо ей что-то говорил».

— Многие годы эта песня считалась посвящённой Марине Влади. Хотя, когда снималась «Вертикаль», они ещё даже не были знакомы.

— А я и не опровергала! Мне песня сразу очень не понравилась, я даже обиделась на него. Вывел меня какой-то легкомысленной дурочкой, финтифлюшкой, которой «глубоко плевать, какие там цветы» на нейтральной полосе. И последние слова мне были особенно обидны: «Пусть пробуют они, я лучше подожду». Правда, сейчас время всё расставило на свои места, я очень благодарна Володе: он обо мне оставил память. И через много лет кто-то скажет: «Лукина? А-а, это актриса, которой Высоцкий песню посвятил!»

— Ещё какие-нибудь невероятные мифы о себе слышали?

— Самый невероятный — то, что якобы я была любовницей Брежнева. Причём до сих пор понятия не имею, с чего взяли. Ладно сказали бы, что у меня роман с лидером ГДР Вальтером Ульбрихтом — всё-таки газеты опубликовали фото, где он меня целует, вручая главную немецкую кинонаграду — Национальную премию ГДР. А с Брежневым я ведь виделась всего один раз в жизни — в Тегеране, когда мы вместе были в гостях на балу у шейха иранского. Причём он там был со своей женой. Нас просто познакомили, и всё. Когда я услышала эту байку, долго смеялась: «Если бы Брежнев был моим любовником, я бы не жила в двухкомнатной квартире на улице Удальцова!» Самое смешное было,

когда мы с моим четырёхлетним сыном Павликом пошли в кино. Там перед детским сеансом показали киножурнал, где выступал Леонид Ильич Брежнев. Сын его увидел и как закричит: «Мама, мама! Смотри — это же наша бабушка!» Всё, — думаю, — сейчас нас арестуют. Но все стали смеяться, и обошлось. Кстати, моя мама в ту пору внешне действительно была чем-то отдалённо похожа на Брежнева...

Ещё меня неоднократно «выдавали замуж» за немецкого актёра Отто Мелиса (зрители могут его помнить по роли солдата Хельмута из «Семнадцати мгновений весны», ценой своей жизни спасшего «радистку Кэт». — Ред.) и считали немецкой эмигранткой только потому, что он был моим партнёром во всех шести немецких картинах, где я снималась на Киностудии DEFA. Нас даже называли почему-то так: «влюблённая пара Средней Германии». На самом деле мы были в прекрасных дружеских отношениях — с ним и его женой Луизой.

— С высоты прожитых лет вы довольны своей карьерой?

— Вообще-то мне грех жаловаться! Выжила в блокаду, училась у прекрасных мастеров, объездила весь мир... Сколько вокруг людей более талантливых, но оставшихся за бортом, хотя, может быть, они в тысячу раз талантливее многих из нас. А у меня всё слава Богу: снимаюсь, меня часто приглашают на фестивали, творческие встречи — и узнают, и аплодируют, и дарят цветы. Другое дело, что как актриса по большому счёту я не реализована. Ведь, положив руку на сердце, такого шедевра, как «Летят журавли», в моей жизни всё-таки не случилось. Почему? Наверное, я сама в этом виновата — видно, нет во мне такого таланта, чтобы режиссёрам хотелось ставить фильмы на меня. Вот если бы нашёлся режиссёр, который всерьёз занимался мной, пытался где-то раскрепостить, раскрутить, найти какие-то мои другие качества, не только лирической или драматической героини, а может, комедийной, всё могло сложиться иначе.

— Жалеете, что не нашли такого?

— А я и не искала. Актёры — люди в основном независимые, это нас ищут. И потом у меня не тот характер, чтобы пойти к режиссёру и сказать: «Это моя роль — я должна её сыграть!» Я никогда, у Шукшина есть такое словечко, «не навязывалась». Рассуждала: если нужна — найдут. А надо было быть более пробивной, что ли... Если бы Элина Быстрицкая сама не позвонила Герасимову, Аксинью сыграла бы другая актриса. Или Люся Зайцева... Она тоже пришла к Росточкому, когда он собирался снимать «А зори здесь тихие...», и сказала, что хочет сыграть командира отряда, видит именно себя в этой роли. И сыграла. И правильно сделала!

— Друзей у вас много?

— Приятелей — тьма, а друзей... Многие годы я дружила с Аллой Ларионовой, Любовью Соколовой. Обе были потрясающие подруги, готовые прийти на помощь в

ЭТА ФОТОГРАФИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЖУРНАЛЕ PARIS MATCH С ПОДПИСЬЮ «СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОЙ СТУДЕНТКИ» МОГЛА ПОСТАВИТЬ КРЕСТ НА КАРЬЕРЕ АКТРИСЫ

любой момент. Но вот и Аллы, и Любви уже давно нет... Мы тесно общаемся с замечательной актрисой Татьяной Георгиевной Конюховой, с которой живём по соседству.

— У вашего сына трое детей. Есть шанс, что кто-нибудь продолжит актёрскую династию?

— Сын у меня звукорежиссёр, окончил Ленинградский институт киноинженеров, работает на «Мосфильме» — с Говорухиным, Дружининой, Хотиненко... Только что работал с Кареном Шахназаровым на фильме «Анна Каренина. История Вронского». А вот внуки все с математическими, физическими, историческими наклонностями. С актёрскими — никого.

— И последний вопрос. Сколько лет вас знаю, поражаюсь вашей преданности профессии, позитивному отношению к жизни, способности ловить кайф буквально от мелочей. В чём секрет?

— Секрет в том, что я люблю сцену, люблю сниматься в кино. Пока ноги ходят, пока дышишь, ещё что-то можешь сыграть — лучше работать. Работа держит в тонусе. И потом там всегда любопытные события, новые люди. Интересно же пообщаться! ■

Фотографии из семейного архива Ларисы Лукиной

ЛЕГЕНДАРНЫЕ СОВЕТСКИЕ АКТЁРЫ ТЕАТРА КИНОАКТЁРА — Е. МАТВЕЕВ, Н. КРЮЧКОВ, В. ВАСИЛЬЕВА, П. ГЛЕБОВ, Л. ХИТЯЕВА, Л. ЛУКИНА, А. ЛАРИОНОВА, Н. САЗОНОВА, В. ЗЕЛЬДИН И ДРУГИЕ. МОСКВА. КОНЕЦ 1980-Х

Как из Володи Конкина «коммунистическую икону» лепили

Поцелуй Брежнева, цветы от юной тельмановки Ангелы Меркель и тайна запуска в производство легендарного фильма «Место встречи изменить нельзя»

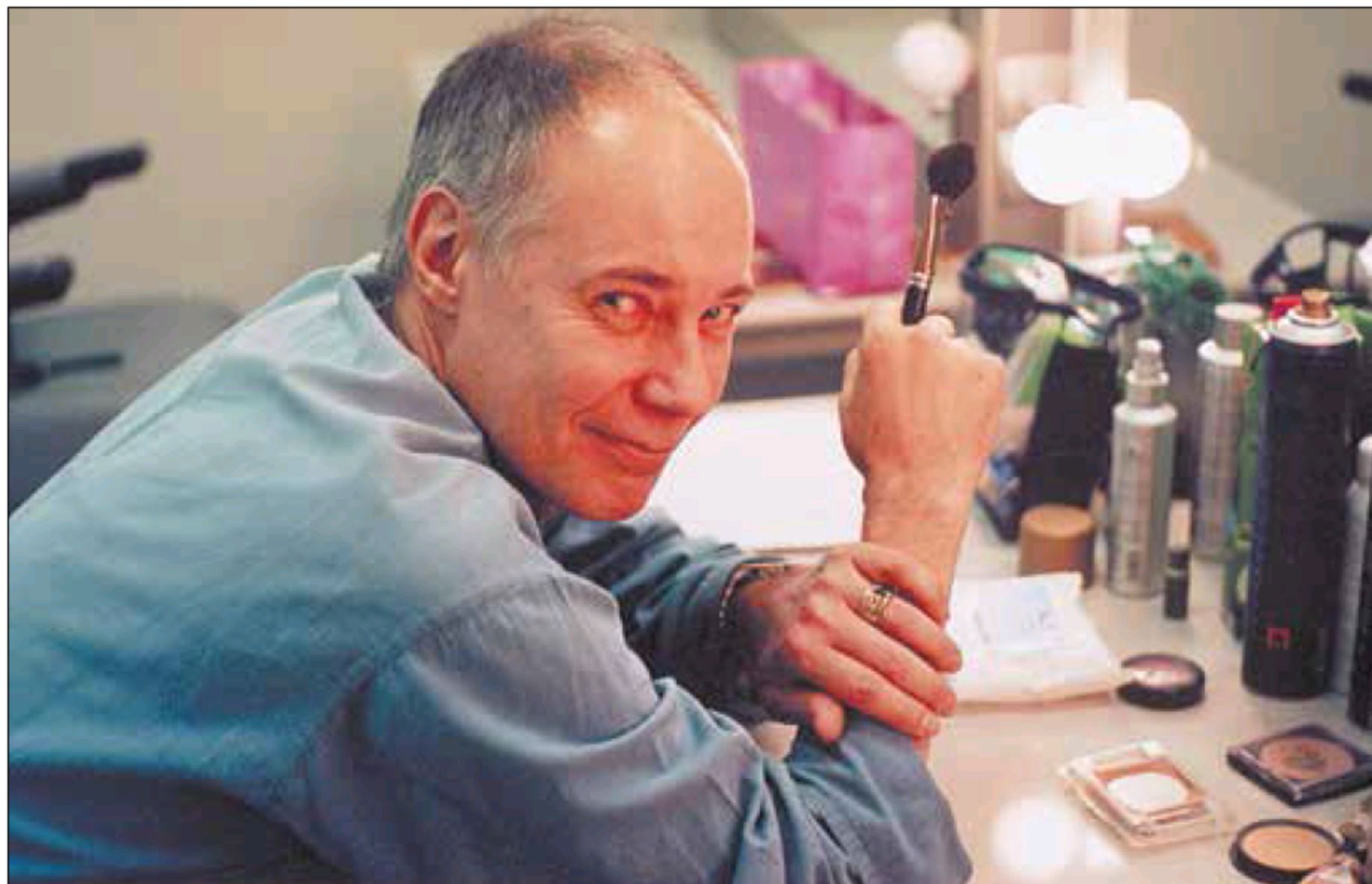
Андрей КОЛОБАЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Так уж вышло, что Владимир Конкин намертво сросся с двумя картинами, которые его прославили. Именно тот случай, когда сначала при виде его шептались: «О! Павка Корчагин пошёл...», а ещё через шесть лет и до сих пор: «Смотрите, смотрите... Шарапов!» Для миллионов зрителей и спустя без малого полвека он так и остался Корчагиным—Шараповым. Лицом и кумиром поколения, объектом любви и поклонения. Актёром, киногороем которого при жизни аж три (!) памятника поставили... Однако мало кто знает, что на самом деле в фильмографии Владимира Конкина могло быть на десятки картин больше, а результат (почему бы и нет?) куда шедевральнее. Был период, когда из него, любимого актёра партийной и комсомольской номенклатуры и, как говорили, чуть ли не любимчика Леонида Ильича Брежнева, всеми силами старались сделать «идеологическую икону», призванную своими ролями увлечь романтическую молодёжь и мобилизовать её на таёжные комсомольские стройки, на освоение целинных и прочих земель, куда Макар телят не гонял.

Правила игры были таковы: его герои в кожанках и будёновках скачут в седле, машут шашками, строят узкоколейки, в крайнем случае — ловят бандитов и уркаганов, а взамен — вселенская слава, почёт, мандаты делегата партийных и комсомольских съездов, поездки за границу, карт-бланш на выбор ролей и режиссёров. Минус был один — рамки. Отныне Конкину нельзя было играть ни отрицательных, ни комических персонажей. Шаг влево, шаг вправо — расстрел! Другой бы по тем временам был счастлив — живи и радуйся, не каждому такое актёрское счастье выпадает! Но Конкин чуть-чуть поиграл в эту игру, да и наскучило ему быть «иконой», лицейское нутро просило то классики, то комедии-трагедии, острохарактерности, размаха и диапазона. А разве систему перехитришь? Вот оттого и фильмография такая куца. Хотя там немало непропагандистских хороших фильмов, куда ему всё же удалось каким-то чудом просочиться.

За свою жизнь Владимир Алексеевич сменил 11 театров, причём уходил отовсюду примерно по одной и той же причине — правила игры его не устраивали. Он никогда не скрывал, что актёрство не является главным смыслом его жизни. «На первом месте только семья, остальное — как Бог даст». Когда не стало интересных ролей, он не впал в депрессию и не почивал на лаврах — всю свою «атомную» энергию направил в самые разные стороны: ездил с творческими вечерами по стране, озвучи-

АКТЁР, ПИСАТЕЛЬ, ЭРУДИТ И УДИВИТЕЛЬНЫЙ РАССКАЗЧИК. 2000-Е

вал кинозвёзд Голливуда (например, его голосом говорят герои Тома Круза, Дэвида Духовны и других актёров), писал искусствоведческие и исторические эссе, вёл передачу на ТВ. И это всё при том, что никогда здоровьем он, мягко говоря, не блистал. В пять лет у него диагностировали порок сердца, несколько лет назад актёр перенёс сложнейшую операцию — сегодня Конкин живёт с двумя искусственными клапанами в сердце. Но работает в том же ритме. К своему 60-летию и в память об ушедшей из жизни любимой супруге Алле Львовне поставил прекрасный благотворительный спектакль «Муж, жена и сыщик». Записал на диски множество сказок для детей. Опубликовал семь книг, дал десятки интервью — ведь Владимир Конкин не только необыкновенный эрудит и эстет, но и рассказчик непревзойдённый.

...Недавно мы встретились с Владимиром Алексеевичем в фойе Дома кино. Он подписал мне на память свою новую книгу «К отцу: пастораль соцреализма». На вопрос, как он относится к мнению тех, кто считает, что после «Места встречи...» он не выстрелил ни одной ролью, рассмеялся: «Во-первых, я ещё жив и надеюсь пожить подольше. А значит, как у Чехова — ружьё может выстрелить в любой момент!»

ДОЛЖЕН БЫЛ УМЕРЕТЬ В ПЯТЬ ЛЕТ

— Владимир Алексеевич, готовясь к интервью, я прочёл в Интернете о вас и вокруг вас столько небылиц и слухов, обнаружил столько нестыковок, что любой неосведомлённый человек просто будет сбит с толку. Поэтому предлагаю построить наш разговор так: вопрос — честный ответ.

— Давайте попробуем. У меня от моих зрителей секретов нет.

— Тогда, если не возражаете, начнём с детства — в прославленном актёрскими талантами городе Саратове...

— Хотите я расскажу вам случай, как я совершенно случайно и поневоле стал «великим рассказчиком»? По-моему, это очень забавная история...

— Интересно, как?

— (Смеётся.) С перепугу! У меня было обычное послевоенное детство. Маменька моя, Любовь Петровна, была певуньей и хохотуньей, увлекалась оперой. Папа, Алексей Александрович, несмотря на солидную должность (он был ревизором Приволжской железной дороги) всю жизнь занимался в художественной самодеятельности, играл на всех музыкальных инструментах. Теперь я понимаю: всем обязан только им. Они очень многое сделали для того, чтобы «накачать» не моё тело, а голову.

При этом (что необходимо отметить) я был поздним ребёнком. Папе исполнилось 42 года, когда я родился, а маме — 40. Связано это с нашей семейной трагедией. Дело в том, что у меня был старший брат — Славочка. Во время войны он заболел полиомиелитом и с детства был прикован к постели, как Николай Островский. У него отнялись руки, ноги... Тем не менее он сдавал экзамены — учителя были в восторге от его знаний. Но врачи честно сказали родителям: «Любовь Петровна, Алексей Александрович, он уйдёт из жизни». И посоветовали им подумать о втором ребёнке... Через два года после моего рождения Славочка умер — ему было всего 17 лет. Всю жизнь мне не хватало старшего брата...

— То есть вы появились на свет в каком-то смысле случайно — по совету врачей?

— Именно так! Но подкралась другая беда: очень скоро настала и моя очередь умирать. В пять лет я заболел скарлатиной, которая дала осложнение — порок сердца. И вот тут моих родителей охватил просто ужас: «Как? Ещё одно дитя потерять?!» По совету бабушки после трёх месяцев, проведённых в больнице, меня крестили. И родители, естественно, оберегали меня, как могли. Потому что для них потеря второго ребёнка стала бы просто жизненной катастрофой.

Так вот, несмотря на хлипкую конституцию, в детстве родители дали мне хорошее воспитание. Из-за порока сердца в школе у меня было освобождение от труда и физкультуры, и всё свободное время они водили меня по театрам да музеям. Я очень много читал... И в какой-то момент это меня здорово спасло. Даже можно сказать, что впоследствии перевернуло всю мою жизнь.

— ?!

— Двор у нас был очень шпанистый. Мало у кого из моих сверстников были живы или не сидели отцы. Естественно, все они были сбиты в стаю — курили махорку, бегали старшим за водкой, обрывали цветы на привокзальной площади. Словом, компания ещё та. И я знал, что я их раздражал как никто. Поэтому обычно меня до школы провожала мама, и встречала тоже. Никогда не забуду: четвёртый класс, весна, я иду из школы, а мама меня в этот день не встретила. И я пошёл домой один... А у нашего подъезда — эта банда. Представьте, какой был я для них «лакомый кусок» — один, без защиты, идёт их «любимое блюдо», до которого у них долго не дотягивались руки. У меня всё внутри задрожало от ужаса, волосики дыбиком встали. Моя фуражечка с фирменным гербом сползла на ушко. Вот тогда я впервые испытал ощущение, что это фатум — сейчас меня просто физически не будет. (Смеётся.) Но Господь спас.

Не знаю, что вдруг на меня нашло, но я ни с того ни с сего начал им рассказывать историю про Муму. Глазёнки, наверное, у меня были выпучены, слёзки текли рекой. Я рассказывал, что Муму была несчастная собачка. Попала в неприязнь к барыне старой. И там был дворник, глухонемой, который обожал эту Муму, но всё равно ему пришлось её утопить... Но она всплыла! Вы представить себе не можете, что с ними стало! Они просто обалдели от моих слёз и рассказа. Кульминацией стала фраза: «А по берегу шла Каштанка!» То есть от ужаса я скомпоновал рассказы наших классиков. И, видно, я так заворожил своим рассказом нашу дворовую шпану, что у главного шкетя, которого боялись все, вдруг вырвалось: «Кто Конкина тронет, башку отверчу!» И с тех пор никто во дворе меня даже пальцем не тронул! Даже на ледяной горке я мог кататься наравне со шпаной... Я до сих пор считаю, что это мой первый осознанный, самостоятельный, независимый от родителей поступок, которым очень горжусь.

— Чем вы в те годы увлекались? Были любимые занятия?

“ Кто только меня не целовал: Живков, Хонеккер, Фидель Кастро. На встрече в Германии мне вручала цветы девочка-тельмановка, которую все сегодня знают как Ангелу Меркель.

— Я с пяти лет увлекался книжечейством, и с тех пор меня это «заболевание» не отпускает. Обожаю писать сочинения. Ещё папа меня приучил к дневникам и к эпистоле — писал письма из детского санатория в подмосковной Малаховке — я полдетства провёл там. Не знаю, есть ли он сейчас, но благодаря тамошним врачам я в общем-то с вами сейчас и разговариваю... Честно вам скажу, даже в детстве я был очень разносторонний мальчик — в принципе, я много чего умел делать. Делал какие-то немыслимые санки со светящимися фонариками... Да много чего, что потом перенимала у меня детвора. Почему я всё это вспоминаю? Потому что действительно очень хорошая милая старая добрая фраза, сказанная одним из наших пиитов: все мы родом из детства.

Довольно рано я увлёкся серьёзной музыкой. Именно серьёзной, не разделяя её на классику и рок-музыку, потому что их вообще нельзя разделять. Это один музыкальный круг и музыка одного порядка. Я обожаю Эдварда Грига, слушал Led Zepplin, Хендрикса, Rolling Stones, Beatles, ходил на «Пера Понта» и «Лебединое озеро». Папёнык благосклонно относился к моим вкусам. Он затыкал уши, когда я включал Beatles или Хендрикса, лез на стенку, но никогда не говорил: «Немедленно выключи магнитофон!», и мои пластинки не выбрасывались в окно. Правда, позже, когда я поступил в театральный, парторг нашего училища, всё время показывая на мои волосы, которые были ниже задницы, спрашивал: «Ну когда ты их уберёшь?» А мои педагоги защищали меня: «Это его индивидуальность». Я хорошо учился, был отличником, и эти волосы, можно сказать, заслужил.

— Кстати, о театральном. Вы же всерьёз увлекались историей, собирались поступать на истфак. Почему так резко передумали?

— Да это дело случая. Я мог поступать на истфак без экзаменов. Но я на свою беду в 10-м классе совершенно случайно захотел попасть (и попал!) в детскую студию Натальи Иосифовны Сухостав, знаменитого театрального педагога, которая меня и брать-то не хотела по причине возраста. Сказала: «Поздно ты пришёл, Володя, очень!» Но взяла. Там я вдруг почувствовал, что имею успех у школьников, и это мне понравилось. А потом случилось ещё одно «чудо»: меня взяли сразу на главную роль Ивана-дурака, потому что у главного актёра вдруг резко подскочила температура и срочно потребовалась замена. Повезло, и это был мой шанс! Сразу после премьеры спектакля я побежал в буфет за пирожком и вдруг услышал, как один из мальчишек в гардеробе восторженно провожает меня взглядом и говорит: «Пап, вон Иван-дурак пошёл». Тогда я понял, что я уже популярен. (Смеётся). Из таких пустяков рождается судьба. Поэтому и решил поступать в Саратовское театральное училище.

— И всё-таки... Когда и как вы поняли, что именно актёрство ваше призвание?

— Чем больше я этим занимаюсь, тем меньше это понимаю. Я сам до сих пор не могу понять, что за механизм внутри, который производит с тобой некую манипуляцию. Вот ты вроде бы Конкин. Но ты уже не Конкин! У тебя уже появляется иная пластика, иная ритмовая речь, иные слова... Жесты... Иные взгляды... Могу вам точно сказать ещё одну вещь. Судя по нынешним потугам моих несчастных юных коллег, то, что они сегодня делают, в основе своей — это просто неинтересно, понимаете? Они бы просто не поступили в театральное училище, когда поступал я, когда конкурс был более 1900 человек на место. Из них бы не поступил никто — это точно!

КОРЧАГИНЫМ МЕНЯ СДЕЛАЛА... ЛОШАДКА

— Вы женились довольно рано — в 20 лет, причём тайно. Почему?

— Просто это говорит о том, что я не трепач. Зачем мне болтать о своих интимных делах? Мы с Аллочкой дружили и дружили — не более того. А на 4-м курсе

ВЛАДИМИР КОНКИН. НАЧАЛО 1970-Х

Саратовского театрального наши родители благословили нас, и мы стали семьёй. Мы попросили их благословения — это было обязательной процедурой, так нас воспитали наши мамы с папами.

— Вчерашним студентом вас пригласили на маленький эпизод в картину «Как закалялась сталь», а сыграли вы главного героя — Павку Корчагина. Как так произошло?

— Я прилетел в съёмочную группу в Киев. В одной руке у меня телеграмма, что у меня мальчишки-близнецы родились в Саратове, в другой — вызов на эти пробы, на крохотный эпизод с двумя съёмочными днями. Скажу вам больше: у меня не было даже уверенности, что этот фильм будет сниматься — ведь две экранизации «Как закалялась сталь» к тому времени уже были сняты. Нужна ли третья? Одно время я даже подумал, что меня разыгрывают... Но я, три дня как дипломированный молодой артист, к тому же в новом костюме, который по этому случаю пошла мне мама, прилетел. И видимо, там режиссёр картины Николай Павлович Машенко (или кто-то из его помощников) обратил внимание, что «у этого мальчика далеко не крестьянская внешность». Машенко посмотрел на меня и говорит: «Володя, я тебя как артиста не знаю. Почитай мне что-нибудь!» Терять мне было нечего — я ему читаю Маяковского. Машенко понравился — он сразу переводит меня на роль Цветаева. А это уже, извините, главная роль — антипод Корчагина.

— Насколько я знаю, Корчагина должен был играть Николай Бурляев.

— Состав планировался такой: Корчагин — Коля Бурляев, Тоня Туманова — Наташа Бондарчук, ваш покорный слуга — Цветаев, Рита Устинович — Наташа Сайко, которая впоследствии сыграла Тоню Туманову. И в бой!

На первых же съёмках — конная атака. Проб же не было никаких. В седло — и

вперёд! А скакать на коне я не мог. Меня учили, чуть-чуть поднатаскали... И надо сказать, что моя лошадка сразу меня полюбила, потому что фамилия Конкин... сами понимаете. Я её кормил, рассказывал всю свою маленькую судьбу — что я влюблён в супругу свою, что недавно у нас родились двое мальчиков, сахаром подкармливал. Уговаривал, объяснял, что я лишусь карьеры, если как надо не проскачу. Голубчик, говорил коню, выручай!

И случилось следующее. Машенко сам об этом в своей книге рассказывает. Мол, после команды «Мотор!» Корчагин — Бурляев в конной атаке поскакал в одну сторону, а все остальные — за мной. Во всяком случае, такая романтическая версия о том, как Конкин стал Корчагиным, принадлежит режиссёру. Я думаю, что в этом есть некая гипербола всё-таки. Ну перепутали люди! Но Николай Павлович это выдал так, будто бы само «войско» почувствовало героя настоящего.

— А как было на самом деле? Ваша версия.

— Думаю, на самом деле не всё было так просто. Ведь большая часть материала уже была отснята. К тому же, если честно, ничего тогда во мне и корчагинского-то, геройского не было. Поэтому я не буду вдаваться в нюансы — это некорректно, неэтично — я не критик. Тем более что и Коля Бурляев — прекрасный актёр, да и я на чужих костях своё счастье никогда строил... Просто Машенко решил поменять героя. Рискнул, попробовал меня и добился того, что ему было нужно. А ему нужна была чистота взгляда... Действительно, жизни я не знал. Да и сейчас не знаю, но... Вы же видите, какие у меня до сих пор чистые хорошие глаза? (Смеётся.)

— А если бы фильм (как мы помним, идеологический, снимавшийся по заказу ЦК) не получился, провалился?

С ЖЕНОЙ АЛЛОЙ, СЫНОВЬЯМИ СВЯТОСЛАВОМ, ЯРОСЛАВОМ И СПАНИЕЛЕМ СТЕПАНОМ. 1982

— Тогда я бы сильно подвёл режиссёра и «убил» бы себя навсегда! А в тот момент ради съёмок мне пришлось расстаться с театром, семью я практически не видел. Полтора года ушло на Корчагина. Поскольку к 7 ноября 1973 года картина должна была выйти на экраны — кровь из носу, все мы лишились всех отгулов и выходных. Извиняюсь за интимную подробность, мы, бывало, даже ванну не успевали принять, а нас уже ждал павильон следующего объекта. Это были такие гонки — ни вздохнуть ни охнуть! Скажу вам больше: во время съёмок я даже в кадре падал в обморок от истощения. Я уже не говорю о пробах, которые мне делал режиссёр, перед тем как окончательно определиться с исполнителем главной роли. Честно: эта история не для новичков в кино, и тем более не для слабонервных.

— Например?

— Связанного настоящей колючей проволокой, меня «пытали» раскалёнными шомполами, обливали водой, и из «пулёмета» стреляли, и даже «голодом испытывали»... Машенко всё это любил делать по-настоящему — реалист был до мозга костей! Но надо отдать ему должное — он добился успеха, а я всё выдержал и победил! (Смеётся.) И я даже, кстати, благодарен этому безумному графику. Вот если бы я завалил роль, мне никто и никогда не простил бы этого проигрыша. Тем более что я якобы занял чужое место. Так что для меня «Как закалялась сталь» — это не только название фильма. Что-то закалялось и во мне. Тогда я обрёл настоящий опыт актёрский.

— Это правда, что Николай Машенко отказал даже Леониду Быкову, который попросил отпустить вас на роль Кузнецика в фильме «В бой идут одни старики»? И сам из корыстных побуждений посоветовал ему на эту роль Сергея Иванова.

— Конечно, отказал! А когда сниматься? Спать толком некогда было.

— А как же такой сумасшедший график при вашем пороке сердца?

— О! Милый мой, кто меня об этом спрашивал? И что я буду этим спекулировать? Я и сейчас-то об этом помалкиваю, потому что — тыфу-тыфу-тыфу — у меня всё в этом плане в порядке.

— В результате стоило так испытывать себя на прочность? Я о мгновенно свалившейся на вас невиданной популярности, со всеми вытекающими в виде новых ролей и поклонниц последствиями.

— Стоило, хотя бы ради того, что я сейчас назвал — опыта актёрского. И славу я почувствовал сразу. Да, я видел огромные очереди за ноябрьским номером «Советского экрана» за 1972 год, где на обложке была моя фотография. Были и толпы поклонниц, и даже предложения сняться в главной роли только что запущенного фильма Андрона Кончаловского «Романс о влюблённых». Кончаловский очень хотел, чтобы я сыграл главную роль. До сих пор мне кажется, что он так и не простил меня за мой отказ — ведь он эту роль держал для меня. В больницу ложился, тянул до последнего. Но, если честно, сил и нервов у меня уже не было. Я был на таком режиме нервной перенагрузки, что мог сломаться даже психически. Тогда он меня спросил: «Ну а младшего брата героя у меня сыграешь?» — «Сыграю». И вот так увековечилось наше с ним тогдашнее хорошее отношение друг к другу.

Но больше всего, как бы пафосно это ни прозвучало, мне запомнилось другое. После выхода картины «Как закалялась сталь» я очень боялся реакции моих родителей на фильм, где я сыграл Павку Корчагина (фактически повторившего уход моего старшего брата Славочки). Никогда не забуду: мы с супругой сидели в комнате. Я трясусь — я маму с папой ещё не видел, по сути, с момента съёмки. Звонок в дверь, приехали они. Мама в длинном пуховом платочке, за ней стоит папа и тоже пошмыгивает носом. Мама взяла моё лицо в руки и сказала: «Спасибо, сын!» И поцеловала меня в лоб. Понимаете?! Для меня это высочайшая оценка моего

В. КОНКИН (МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ СУСЛИН) И Л. БЫКОВ (ЕФРЕЙТОР СВЯТКИН) В ВОЕННОЙ ДРАМЕ ЛЕОНИДА БЫКОВА «АТЫ-БАТЫ, ШЛИ СОЛДАТЫ...». КИНОСТУДИЯ ИМЕНИ А. ДОВЖЕНКО. 1976

творчества. Я сейчас говорю об этом, и у меня мороз по коже — потому что это был привет от покойного старшего брата младшему.

ЗАЛОЖНИК ГЕРОИЧЕСКИХ РОЛЕЙ

— Чего хотели после премьеры и успеха картины от Конкина — Корчагина — страна, комсомол, ЦК? Новых героических ролей?

— От меня, видимо, ждали, что я и в жизни буду такой Корчагин. Что я и по улицам буду ходить в одной шинели, в лохмотьях, в сапоге без подметки и галошах без подошв. А я вдруг начал хорошо жить, одеваться. Я очень много работал и через два года купил чёрную «Волгу». Кто же меня за это будет любить, особенно из начальства?! Этого начальство терпеть не может.

— Ходили разговоры, что в 1970-е годы вы двери в ЦК комсомола чуть ли ногой открывали.

— Да глупости это, сами комсомольчики и придумали! Многим казалось, что я обласкан комсомолом. Если бы это было так, я жил бы сейчас по-другому, уверяю вас... Не верил я никогда комсомолу, циничные были ребята. Вот они и разграбили всю страну, а сами почему-то олигархами стали... Я никогда не был членом партии. Была история, когда на съезде хотели с помпой вручить мне партбилет: «Леонид Ильич Брежнев будет в восторге!» Хорошо, что я об этом узнал накануне и примчался в ЦК комсомола: «Ребята, да вы что?! Вы же меня поссорите с поколением!» К тому же комсомол очень раздражал, что я слушаю рок, ношу джинсы и волосы до лопаток. Они, видно, хотели, чтобы я и в обычной жизни ходил в будёновке... Как-то раз прихожу в общество «Знание», а мне говорят: «Владимир Алексеевич, что же вы на прошлой встрече со зрителями сказали то-то и то-то? Это не совсем то, что ждут от вас». Но, по-моему, интеллигенция вообще всегда должна быть в оппозиции к власти, чтобы та чувствовала, что управляет не обществом холуёв. Не скажу, что я был оголтелым диссидентом, но к власти относился критически всегда. Думаю, что мне этого не прощали.

— Правда, что существовало некое негласное распоряжение: Конкина в отрицательных ролях не снимать?

— Это был приказ по Госкино СССР, он существовал в напечатанном виде, от меня скрываемом. Я не понимал, что происходит: меня пробуют очень хорошие режиссёры на роли, противоположные Корчагину, — смешные, разные... Я вообще-то, если честно, комедийный артист! Я играл в театральном училище Шмагу в «Без вины виноватых», Гаврилова в «Горячем сердце». Мой дипломный спектакль — комедия «Когда цветёт акация». Меня мои педагоги на это и ориентировали. Они были изумлены, что Конкин — Корчагин. «Он же смешной артист!» А приказали наоборот:

отныне Конкин не должен ни петь, ни танцевать, ни смешить с экрана! Теперь это икона! Тем более что вскоре мы БАМ начали строить... Кстати, потом я понял, что фильм «Как закалялась сталь» не просто так был снят. Это был спецзаказ. Наверху уже решили, что понадобятся строители узкоколеек. И такой фильм подоспел вовремя.

Так вот. Я пробовался у нормальных режиссёров, в сценариях, где не было ни кожанок, никакой корчагинщины. И все были пробами довольны. Через какое-то время вдруг звонок с извинениями: «Володя, мы не можем вас снимать!» Мол, у нас по-другому пасьянс разложился. Меня это задевало — я не понимал причин. А потом лично увидел под стеклом в секретариате Госкино, куда однажды пришёл, документ, где было написано примерно следующее: «Владимиру Конкину не рекомендуется сниматься в ролях, дискредитирующих образ Павла Корчагина». И всё!

— Но вы же снимались?

— Это Лёничка Быков, который пригласил меня в «Аты-баты, шли солдаты...», потом Георгий Михайлович Калатоцишвили, первым снявший меня в классике (в «Кавказской повести» по Толстому, где я Оленина сыграл), стали постепенно лодочку раскачивать. Затем и Слава Никифоров позвал в «Отцы и дети», где я в 32 года сыграл 18-летнего Кирсанова, и другие... Лёд был сломен. Но на это ушли годы. К тому же со временем эта «узда» стала ослабевать. Особенно после «Места встречи изменить нельзя» — как ни парадоксально. Потому что в пятой серии Шарапов — лицедей.

ГОВОРУХИН, ВАЙНЕРЫ И ВЫСОЦКИЙ БЫЛИ ОЧЕНЬ РАЗДРАЖЕНЫ

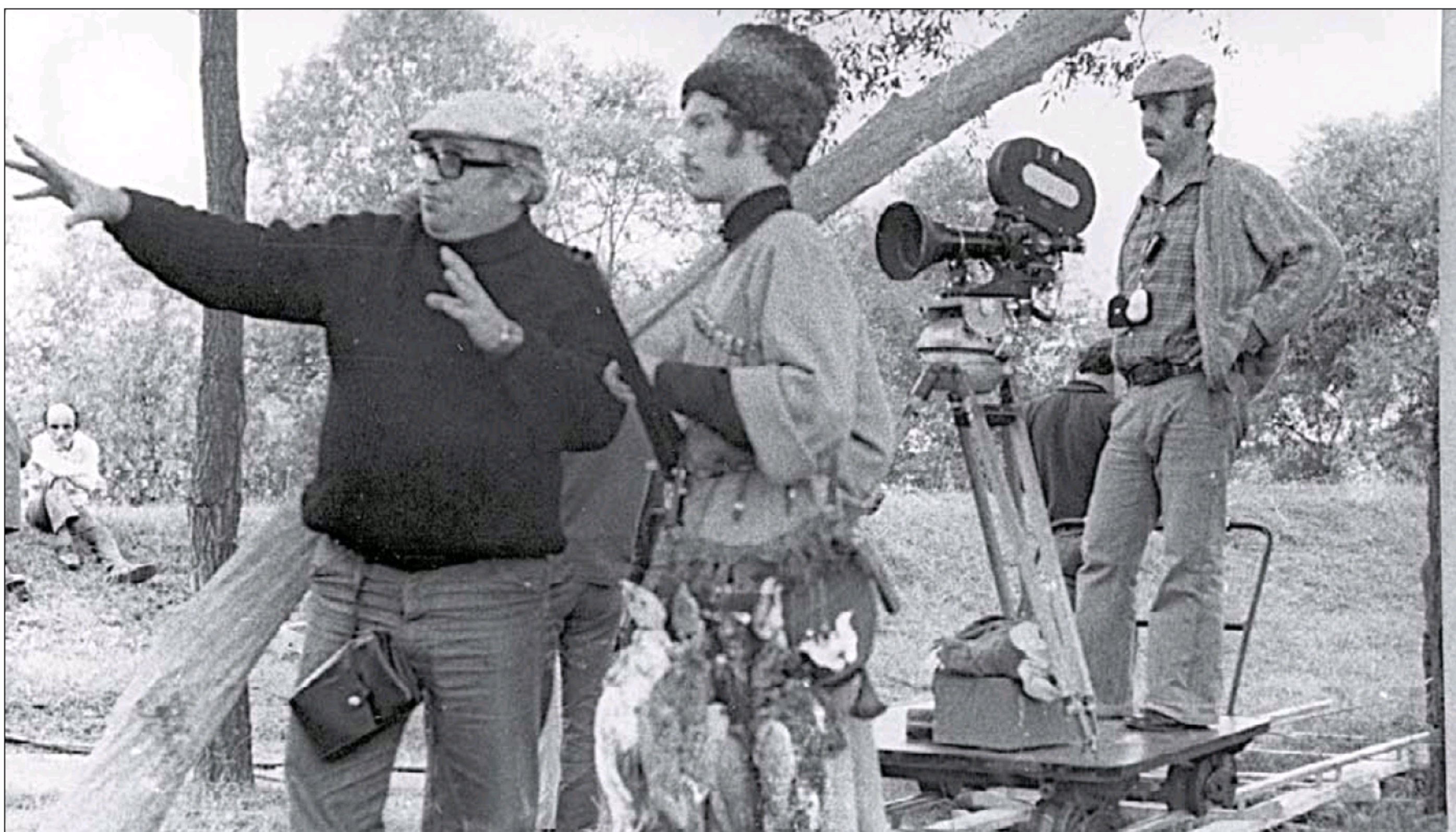
— Вот и отличный повод поподробней спросить вас правду о «Месте встречи...» В Интернете столько всего разного опубликовано на тему Володи Шарапова, начиная с воспоминаний авторов сценария — Аркадия и Георгия Вайнеров.

— Находятся некоторые люди, которые с лёгкой руки покойных братьев Вайнеров (я уж не знаю, какой их бес там сейчас вилами тычет в бок), но до сих пор какие-то гадости обо мне говорят. Я даже не предполагал, что так будет. Более того, был в полной уверенности, что они благосклонны к моей кандидатуре. Это потом выяснилось, сколько палок в колёса они за моей спиной мне вставляли. Ясно, что улучшению микроклимата на съёмочной площадке это не способствовало. Говорили якобы «Шарапов — не такой!» Да, он не такой. Но он — такой! Вот такой, как это сделал Конкин. Интеллигентный, в костюме. Что же играть одно быдло?! И в пятой серии я правильно сделал — мне хватило вкуса и такта не изображать ухаля, разбойника какого-то. Не надо! Тогда всё сразу всем стало бы понятно, что он наигрывает. И поэтому для меня, как и для всех, — это характерный Шарапов, а не «шестёрочка» какая-то, как они хотели.

Многие забыли, что это я предложил Говорухину, чтобы у Шарапова в комнате стояло фортепиано. Не только у еврейских мальчиков есть склонность к музыке, но и у русских! И они поставили. А как, допустим, Высоцкий, который люто ненавидел милиционеров, надел-таки милицкий мундирчик с орденами. Это же всё импровизации были — ничего подобного в романе не было. Он сидел за пианино, о котором я говорил, и пел «Лилый негр вам подавал манта...» Вертинского. И это пианино «выстрелило» точно так же, как и ружьё у Чехова, потом — в банде! Ведь это-

ВЛАДИМИР КОНКИН В РОЛИ ШАРАПОВА И ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ В РОЛИ ЖЕГЛОВА. КАДР ИЗ ЛЕГЕНДАРНОГО ФИЛЬМА С. ГОВОРУХИНА «МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ». ОДЕССКАЯ КИНОСТУДИЯ. 1979

РЕЖИССЁР ГЕОРГИЙ КАЛАТОЦИШВИЛИ (СЛЕВА) И В. КОНКИН В РОЛИ ДМИТРИЯ ОЛЕНИНА НА СЪЁМКАХ ФИЛЬМА «КАВКАЗСКАЯ ПОВЕСТЬ» ПО МОТИВАМ ПОВЕСТИ Л. ТОЛСТОГО «КАЗАКИ». ТБИЛИСИ. 1978

го тоже не было — ни в сценарии, нигде. Ну пускай это сказка, пускай! Но это был наш маленький романтический Джеймс Бонд.

Да и вообще, если уж начистоту, от самого романа осталось не так уж много. Главное — то, что мой герой не должен быть похож на Жеглова. Мы были во всём очень разные, во всех смыслах. И по-актёрски, и по-человечески. Благодаря этому и получилась самая замечательная пара. Это потом пошли гулять байки-сказки, что Высоцкий хотел, чтобы Шарапова играл Ваня Бортник.

— Нет?

— Да это параноя полная. Этого не могло быть ни по каким причинам! Пока у власти были председатель Гостелерадио Лапин и руководитель объединения «Экран» Хейсин, никаких Бортников быть там не могло вообще. Теперь я скажу правду! А то почему-то эту правду решили оккупировать некие господа... Это кино вообще бы не вышло никогда и даже не было бы запущено в производство, если бы не ваш покорный слуга. Потому что у вашего покорного слуги за спиной был Павка Корчагин, был младший лейтенант Суслин («Аты-баты, шли солдаты...»), и он их сделал очень хорошо. Это явилось единственным карт-бланшем для запуска. А Высоцкий, Говорухин и Вайнеры всё что угодно могли снимать — на своей кухне. Но никогда им не дали бы возможность снять это. Повторяю: ни-ког-да! Ни при каких обстоятельствах. Поэтому говорить о каких-то альтернативах Конкину просто неприлично. Конечно, если не в маразме те люди, которые ещё кое-что помнят. Тот же Говорухин!

— Было такое, что в самый разгар съёмок вы собрали вещи, готовы были плюнуть на всё и уехать по-английски?

— Был такой порыв. Витя Павлов меня удержал. Самое удивительное, что мы встретились с ним в этот день впервые. Мы уже отсняли большой кусок. Но отношения, как мне казалось, были не супер у всей съёмочной группы. И Говорухин, и Вайнеры, и Высоцкий были мной почему-то очень раздражены. Может, их раздражало, что на моём месте они представляли рыло, или им не нравились мои руки. А я очень тонко чувствую все эти вещи. Некое пренебрежение, дружба не сложилась, меня выживали жёстко... И я решил возвращаться в Киев. В конце концов, в моей-то судьбе у меня было всё в порядке. «Пошли они!» Я уже собирал чемоданы. Вдруг стук в дверь. Заходит Витя Павлов, который только приехал. Мы не были знакомы лично. Когда я рассказал ему причину, Витя, мудрый, тонко знающий жизнь человек, понял, что у меня, конечно, истерика. Он взял со стола сценарий и сказал: «Пошли подышим!» И вот это меня спасло.

С одной стороны гостиницы «Аркадия», где мы жили, была Высшая партийная школа — там стоял бюст Ленина из белого мрамора, а рядом бюст Карла Маркса из чёрного мрамора. На них какали голуби, на них можно было облокотиться... И вот, пройдя буквально два метра, Витя начал вслух читать сценарий. Причём так, что, если бы не эти два бюста, я бы сразу упал на асфальт — у меня начались корчи, потому что устоять от гомерического смеха, слушая, как Павлов читал серьёзнейший текст, сил не было. Да ещё облокотиться то на ленинскую лысину, то на нос Карла Маркса... Это было так весело! Он вернул мои мозги на место, я понял, что, если уйду, то проявлю слабость. Плюс разразится грандиозный скандал — ведь половина фильма уже снята. Так что спасибо Вите — я сразу нашёл в нём отдушину, недостающее мне доброжелательство и, что самое главное, обрёл настоящего товарища. Если до этого я «барахтался», потому что всё меня выбивало из колеи (никогда на съёмочной площадке ко мне не было такого предвзятого отношения), то в этот момент я проснулся и перестал быть каким-то затравленным волчком. К тому времени я давно был заслуженный артист, лауреат премии Ленинского комсомола, и был в полном порядке. Я успокоился. И это, кстати, стало в хорошую сторону на роли отражаться. И многое получилось.

ВЛАДИМИР КОНКИН — ДЕЛЕГАТ XVII СЪЕЗДА ВЛКСМ. МОСКВА. ВЕСНА 1974

«ЧТО ЖЕ ТЫ НЕ ПОПРОСИЛ У НЕГО КВАРТИРУ?»

— Владимир Алексеевич, а каково это — стать знаменитостью в столь молодом возрасте?

— Конечно, было непросто, а порой и страшно. Спасло то, что в 20 лет я был уже не только семейным человеком, но и папой двух замечательных близнецов. Если бы не это, то у меня могло бы и крышу снести. В 22 года на меня обрушилась бешеная популярность. Вдруг в газетах меня стали называть «открытием века». В 23 года я стал заслуженным артистом. Первым в Советском Союзе преодолел эту планку в таком возрасте, и пока, кстати, меня ещё никто не переплюнул. На меня бросались толпами, я объездил почти полмира. Конечно, началось головокружение. Женщины ко мне бросались, хватали, ждали у подъезда, писали, что сходят с ума от любви. Десятки тысяч писем, и охи, и вздохи... Никогда не забуду, как в 1974 году в Германии, куда я приехал по приглашению тогдашнего партийного лидера ГДР Эриха Хонеккера и ЦК молодёжи, «Волгу», в которой я сидел, подняла на руки толпа тельмановцев. Шофёр кричал: «Вниз! Вниз!» Боялся, что её уронят или разберут на сувениры.

— Подтвердите факт, что на XVII съезде ВЛКСМ вас целовал лично Леонид Ильич Брежнев?

— Причём норовил в губки... (Смеётся.) Самое смешное, что не только он. Кто только меня не целовал: Живков, Хонеккер, Фидель Кастро. Что любопытно, на встрече в Германии мне вручала цветы не кто-нибудь, а девочка-тельмановка, которую все сегодня знают как... Ангелу Меркель. Вот так-то!

— Попробую сыронизировать. Не каждый может похвастаться, что его целовали такие люди!

— Если честно, когда они меня чмокали, я был в таком ужасе... Ведь это мы сей-

час можем с вами хохмить спокойно. А вы на секунду себе представьте: если к вам тянется Генеральный секретарь ЦК КПСС? Ты немеешь, ты просто бьёшь! Восковая фигура мадам Тюссо, не более того. Я — точно так же. Мне потом говорили ребята: «Что же ты не попросил у него квартиру, например? Или хороших ролей без кожанок?» А у меня в тот момент даже мысли такой не было... Причём выглядело всё это очень комично. Все подготовили речь — передо мной выступали Сергей Аполлинариевич Герасимов, Лев Яшин и Слава Третьяк. Лежала ковровая дорожка, мы на ней стояли. По этой дорожке должны были выйти на сцену члены ЦК. Первым шёл Леонид Ильич. Подошёл к нам. «Помню, помню!» Всем пожал руки, а меня поцеловал. И дальше всё повторилось точь-в-точь: остальные члены ЦК всем пожимали руки, а меня целовали. Было очень смешно! И поэтому потом надо мной многие подтрунивали.

А в Харькове был случай ещё веселее. Ноябрь 1973 года. Заканчивая свою первую в жизни творческую встречу со студентами в харьковском университете, я попрощался и ушёл за кулисы. За мной рванули поклонницы. Я — бежать. По неопытности полез на пожарную лестницу. А обезумевшие девушки схватили за брюки и сдёрнули их. Я висел, ухватившись за ступеньку, а перед нами красовалась моя голая попа. Кошмар! Я этот случай запомнил на всю свою жизнь. А вообще, есть, конечно, что вспомнить... Если бы не ответственность за семью и если бы не моя любимая жена, которая, оберегла меня от всего, мог и дров наломать. К несчастью, без малого восемь лет назад Алла Львовна нас покинула...

НА РОЛИ КРЕТИНОВ НЕ ПОДХОЖУ

— Обычно вас как актёра ассоциируют с двумя главными работами. В вашей фильмографии есть картина, которую вы считаете самой необычной, неожиданной и дорогой для себя?

— Я боюсь быть банальным, но от этой банальности никуда не уйдёшь в нашей профессии. Как детей, все роли люблю, не разделяя. Пожалуй, из всех выделяется только лента Славы Никифорова «Отцы и дети», снятая по одноимённому роману Ивана Сергеевича Тургенева. Она примечательна для меня тем, что там в эпизодах снялась вся наша семья — моя супруга Аллочка в роли собирателя крыжовника, наши сыновья и даже наш ушастый спаниель Степан, который в своей собачьей роли безупречен и просто блистателен. В итоге — Государственная премия СССР.

— Вы уже более десяти нигде не снимаетесь. Почему?

— То ли кино сдохло, то ли, как считают некоторые, я умер. Не знаю. Сначала меня это беспокоило. А потом... В конце концов то, что я иногда урывками вижу, я не могу до конца досмотреть. То есть это — просто плохо!

— Так не хотите или не зовут?

— Не буду скрывать, многие события и чувства сегодняшней России меня наполняют, но, к сожалению, может, именно это от меня и отталкивает нынешнюю режиссуру, во многом одноклеточную в основе своей. А режиссёры, умеющие что-то делать (не так много у нас их осталось из той старой гвардии), они подстраиваются под моду. Сегодня у нас в кино русский, если он герой, обязательно должен быть с большим изъяном человек. Это должен быть дебил, или контуженный, или, например, как Булдаков делал генерала — полный кретин. А вот такие достойные люди, как мыслитель Чаадаев или композитор Глинка, как собиратель земли Русской Ярослав Мудрый или Александр Невский, академик Павлов — не нужны. Пока есть востребованность дебилов, режиссёрам Конкин ни к чему — я под эту рамку, наверное, не подхожу.

— Если оглянуться, что самое сложное из того, что вам пришлось пережить за эти годы?

— Я не могу об этом судить. Потому что если я живой, значит, это было мне по зубам. Господь выбрал сильного! А испытаний у меня было огромное количество — очень непростых... Но я остался мужчиной, человеком. И я верю в жизнь, люблю Господа Бога. Я пытаюсь быть порядочным, и те, кто воистину любит моё творчество и с пониманием относится ко мне как к литератору, режиссёру, актёру, как к отцу троих детей, деду пятерых внуков — я думаю, что они не прогадали. Потому что я действительно достоин этой любви и уважения. Я их заслужил.

Когда меня спрашивают, в чём залог успеха моих ролей или что для меня первично — театр или кино, я неизменно отвечаю, что все свои «пьедесталы» отодвинул бы в сторону. Для меня на первом месте сам человек Володя Конкин. А успех — заслуга не моя, а моих корней, моих родителей. Я благодарен своим пращурам, потому что они меня воспитывали ещё до рождения, и хорошую кровь давали. Когда дитя сымальства впитывает в себя родительское увлечение театром, их музыкальную одарённость, склонность к импровизации (они были очень смешливые люди, с юмором), всё это не могло не передаваться по эстафете. Поэтому всеми своими сегодняшними бутербродами с икрой я обязан им. И я хочу, чтобы об этом читатели знали.

— И последний вопрос. Вы написали и издали семь книг прозы. А когда вы свои откровенные дневники издадите? Ведь даже из того, что вы сегодня рассказали, интереснейшая книжка может получиться.

— Может быть, когда-нибудь. В моей жизни было много много экзотических чудес. Господи, и ужасов там было тоже много, конечно! Может, издам посмертно. А боюсь, я их с собой в гроб возьму. (Смеётся.) Там много такого, чего другим читать вредно. А может, я последний костёр-шашлык на них сделаю. Я всю жизнь пишу, и в этих дневниках вся моя жизнь! А вот если украдут — это будет ужасно. Тогда уж лучше — шашлык!

■
Фотографии из семейного архива Владимира Конкина

Внебрачные дети русской культуры

При ином стечении обстоятельств знаменитого художника Василия Перова мир знал бы как Василия Крюденера, сына губернского прокурора барона Григория Крюденера

Леонид НИСМАН

Специально для «Совершенно секретно»

Кто такие бастарды? Откуда появилось это слово? Как оно попало в Россию? В русский язык слово «бастард» пришло из средневерхнемецкого языка, а туда оно попало из старофранцузского. Там оно означало гибрид, помесь, потомство от скрещивания организмов, значительно отдалённых друг от друга в отношении родства. Наиболее распространёнными значениями слова «бастард» в русском языке являются «незаконнорождённый», «внебрачный», «побочный». Другими словами, бастард — это человек, родившийся от отца и матери, не состоявших в законном браке. Возможно при этом (правда, необязательно), что один из супругов изменил другому. Ну а как обстоят дела в России по этому вопросу? Много ли в истории России было и есть бастардов? Есть ли среди них знаменитости?

Россия — страна богатая на всё! И на бастардов тоже. Например, незаконнорождённых детей русских царей и цариц — не пересчитать. Но вот знаменитых среди этих — царевичей и царевен — найти трудно. Значительно более интересным представляется поиск знаменитых бастардов в области русской культуры. И тут, как говорят в Одессе, их есть!

Наиболее «урожайным» на знаменитых внебрачных детей в русской культуре является период с конца XVII до начала XX века. Именно в это время в России появилась целая плеяда знаменитых бастардов — деятелей русской культуры — поэтов, писателей, композиторов, философов, художников. Их матерями в большинстве своём были женщины, бывшие в услужении в богатых домах, а отцами — соответственно те, кому они принадлежали. Зачастую история не сохранила не только фамилий, но даже имён этих женщин. Лишним будет говорить, что все эти знаменитости были от рождения внебрачными или незаконнорождёнными и ни один из них не носил фамилию ни одного из своих родителей. Справедливости ради надо признать, что это был не единственный путь появления на свет русских бастардов.

МУЗА ФЁДОРА ТЮТЧЕВА

Один из знаменитых бастардов в русской культуре, выдающийся русский художник, член-учредитель Товарищества передвижных художественных выставок, академик живописи Василий Григорьевич Перов родился в Тобольске 21 декабря 1833 года. Отец его, барон Григорий Карлович Крюденер (Gregor-Gustav-Friedrich von Krdener, 11.12.1773—01.07.1859), губернский прокурор, представитель русского баронского рода немецкого происхождения, восходящего к началу XIV века. Он был просвещённым свободомыслящим человеком, владел несколькими иностранными языками, увлекался искусством, принимал у себя в доме ссыльных декабристов.

Из рода Крюденеров вышло много блестящих дипломатов, служивших Российской империи в Новом и Старом Свете. Герб Крюденеров изобилует королевскими лилиями, единорогами и розами, что свидетельствует о древности и знатности рода. Наиболее известными представителями рода Крюденеров являются барон Павел

ХУДОЖНИК ВАСИЛИЙ ПЕРОВ

Алексеевич Крюденер (1797—1858) — полномочный министр при Соединённых Штатах Северной Америки и при Швейцарском союзе; Алексей Иванович Крюденер (1746—1802) — русский посланник в Варшаве, Венеции, Копенгагене и Берлине; Александр Сергеевич Крюденер (1786—1852) — барон, действительный статский советник, камергер, первый секретарь посольства России в Мюнхене (1829—1836), русский посланник и полномочный министр в Швеции и Норвегии (1843—1852).

Жена Александра Сергеевича Крюденера, баронесса Амалия фон Крюденер (1808—1888), известная красавица высшего света XIX века, внебрачная дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма III и княгини Турн-и-Таксис. Мать Амалии приходилась родной сестрой принцессе Луизе Августе Вильгельмине (1776—1810), матери русской императрицы. Таким образом, Амалия фон Крюденер приходилась двоюродной сестрой русской императрице Александре Фёдоровне (Friederike Luise Charlotte Wilhelmine von Preuen, 1798—1860) — супруге российского императора Николая I и матери императора Александра II.

Амалия фон Крюденер вошла в историю русской литературы как муза Фёдора Ивановича Тютчева, который пронёс свою любовь к ней сквозь десятилетия, несмотря на два брака. Они познакомились в Мюнхене, будучи в то время ещё практикескими детьми. Нетитулованный дворянин, секретарь русского посольства Фёдор Тютчев (Теодор Тютчефф, как называли его на немецкий манер) тогда едва отпраздновал своё 19-летие. Амалии и вовсе было 14. Однако девушка поразила будущего знаменитого поэта своей утончённой красотой. Фёдор Иванович был очарован и сражён. И даже, как считают историки, пытался просить руки юной баронессы. Но судьба тогда надолго разлучила их.

Предпоследняя их встреча произошла в Карлсбаде, где отдыхала вся европейская

знать. Здесь Амалия и увидела постаревшего Теодора, приехавшего лечить на воды свою подагру. Именно после этой встречи 7 августа 1870 года поэт написал своё знаменитое «Я встретил вас...». Поэт посвятил его уже 62-летней на тот момент баронессе Амалии фон Крюденер, любовь к которой он пронёс через всю свою жизнь.

*«Я встретил вас — и всё былое
В отжившем сердце оживло;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...»*

В последний раз Фёдор Иванович увиделся с Амалией 31 марта 1873 года, за два месяца до смерти. Она приехала навестить его, узнав о болезни — апоплексическом ударе. И проститься.

ДЕТСТВО ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВА

Вернёмся, однако, к Василию Григорьевичу Перову. Его мать, Акулина Иванова, была тобольской мещанкой. Губернский прокурор барон Крюденер Григорий Карлович влюбился в неё, и в результате 21 декабря 1833 года в городе Тобольске родился мальчик Вася, будущий профессор Академии художеств.

Вскоре после рождения Василия барон Крюденер и Акулина Иванова обвенчались. Брак был ускорен предстоящим рождением ещё одного сына, Леонида. Это был второй брак барона Крюденера. Его первая супруга, баронесса Элеонора фон Штакельберг, к тому времени скончалась в Петербурге. От обоих браков у него родились восемь детей.

Так как в момент рождения Василия родители не состояли в официальном браке, мальчик считался незаконнорождённым и не имел права носить ни фамилию, ни титул своего родителя. Поэтому в официальных документах долгое время указывалась фами-

лия Васильев, данная мальчику по имени крёстного отца.

Маленького Василия мать рано научила читать и писать. Продолжал обучение мальчик у местного дьячка, который за его усердие в чистописании и умелое владение пером для письма дал ему прозвище Перов. Вот как эту историю описывал в своей книге публицист Леонид Дитерихс: «Одновременно с ним у дьячка занимался другой ученик, сын крестьянина, крайне безобразный на вид и тупой в учении. В то время как будущий художник старательно выводил букву за буквой, этот мальчик только и делал, что болтал ногами. Выведенный из терпения таким отношением к делу, дьячок как-то раз разбранил его: «Куда тебе писать, тебе только ногами болтать, и будешь ты у меня Иван Болтов, а вот он (указывая на маленького Василия) будет у меня Василий Перов». Эти прозвища с лёгкой руки дьячка остались навсегда за его учениками, и, следовательно, история русского искусства до некоторой степени обязана его находчивости и остроумию».

Впоследствии это прозвище было принято художником как фамилия. Вот так получилось, что Gregor-Gustav-Friedrich von Krdener + Акулина Иванова = Василий Перов.

С самого рождения Василия семья Крюденера постоянно куда-то переезжала. Поначалу это было связано со службой отца, затем, после скандала в Архангельске (барон Крюденер был человеком образованным и воспитанным, но вот на язык весьма несдержанным) из-за сатирических стихов, описывающих всех фигурантов губернской администрации, службу пришлось оставить. Теперь скитания семьи были связаны с поисками новой службы. Петербург, Ливонские губернии, Самара, Арзамас — везде жить приходилось у многочисленных родственников, что не делало атмосферу в семье полностью счастливой.

Наконец, когда барон потерял всякую надежду, ему поступило предложение поступить на службу управляющим большим имением. Интерес к живописи возник у Перова в возрасте девяти лет. Когда семья жила под Арзамасом, в дом однажды пригласили местного художника — подправить старый портрет отца.

Мальчика настолько захватил процесс работы художника, что он увлёкся рисованием. Родители Василия поощряли его увлечение. Прочувшись три года в уездном училище Арзамаса, в 1846 году Перов поступил в известную художественную школу А.В. Ступина.

Два раза в неделю мальчик посещал занятия в школе. Через три месяца учение, однако, закончилось. Однокурсники взяли с собой 13-летнего Перова на именины некоей прелестницы, после чего в родной дом извозчик привёз совершенно пьяного подростка, и мама сказала: «Нет!»

После того как место управляющего барон потерял (ну не мог удержаться Крюденер от колкостей), семья переезжает и размещается на квартире как раз напротив школы Ступина. На этот раз мама не выпускала сына из вида, и учёба возобновилась. В 1851 году Перов пишет автопортрет и портреты родителей. В 1853 году 20-летний Перов отправляется в Москву и поступает в Московское училище живописи и ваяния и зодчества. Обучение он начинает под руководством опытного педагога Е.Я. Васильева, который быстро разглядел недюжинный талант в новом студенте и

МАМА ХУДОЖНИКА АКУЛИНА ИВАНОВА

всячески ему помогал. Уже во время учёбы Перов получает малую серебряную медаль за скромный эскиз. Потом медалей у него будет много, но эту, первую, Перов всегда вспоминал с особой теплотой.

В декабре 1856 года Василий Григорьевич был удостоен второй серебряной медали за работу «Голова мальчика». В 1857 году художник пишет картину «Приезд станового на следствии», которая была отмечена Советом Академии большой серебряной медалью. В 1860 году Академия присудила Перову малую золотую медаль за картину «Первый чин. Сын дьячка, произведённый в коллежские регистраторы», которая утвердила художника как наследника сатирического жанра 1840-х годов.

ПУТЕШЕСТВИЯ ПЕРЕДВИЖНИКА

Получив право участвовать в конкурсе на большую золотую медаль, Перов переехал в Санкт-Петербург и в 1861 году представил в Совет Академии эскиз картины «Сельский крестный ход на Пасхе». Однако Совет отверг его, указав причиной своего решения «непристойность изображения особ духовного сословия». Тогда Перов представляет эскиз другого сюжета — «Проповедь в селе». В пояснительной записке к эскизу художник написал, что священника изобразит не в ризе, а в рясе. Совет, полностью не разобравшись в его содержании, утвердил эскиз. Осенью 1861 года, когда картина была закончена, Перову присуждают большую золотую медаль, а вместе с ней художник получает право на поездку в Европу в качестве пансионера Академии художеств. Совет Академии художеств так и не распознал сюжетной обличительности картины: в ней Перов показывает ироничное восприятие проповеди различными слоями народа. Картину же «Сельский крестный ход на Пасхе», которая была отвергнута Академией, приобрёл Павел Третьяков для своей галереи.

Осенью 1862 года Перов женился на Елене Эдмундовне Шейнс, племяннице богатого купца Фёдора Резанова, и в начале 1863 года уехал с ней за границу. Побывав в Берлине, Дрездене, Дюссельдорфе, он в итоге оказался в Париже. Полтора года в Париже художник пишет небольшие этюды, наиболее характерный из которых — «Слепой музыкант» (1864). К этому периоду относятся также его картины, изображающие европейские сцены уличной жизни.

В 1864 году, получив от Академии разрешение на досрочное возвращение с продолжением пансионерства в России, он вернулся в Москву, где и прошла вся его дальнейшая жизнь. В 1866 году на академическую выставку Перов прислал четыре картины: «Чистый понедельник», «Учитель рисования», «Утопленница», «Божья мать и Христос у житейского моря» и получил звание академика. Пять картин Перова демонстрировались на Всемирной выставке 1867

года: «Проводы покойника», «Первый чин», «Дилетант», «Гитарист-бобыль», «Тройка».

Художественная критика по достоинству оценила его творчество. Этьен-Жозеф-Теофиль Торе, писавший под псевдонимом Вильям Бюргер (и именовавшийся впоследствии попросту Торе-Бюргер), писал: «Он русский и в выборе сюжетов, и в манере, в какой он их понимает и интерпретирует».

В 1868 году скончалась жена художника. Вскоре умерли двое его старших детей. В живых остался только годовалый сын Владимир, который впоследствии тоже стал художником.

В 1869 году совместно с художником Григорием Мясоедовым, которому принадлежит идея создания Товарищества художественных передвижных выставок (ТПХВ), Иваном Крамским и Николаем Ге Перов организовал московскую группу передвижников. В своей деятельности передвижники вдохновлялись идеями народничества. Организуя передвижные выставки, они вели активную просветительскую деятельность и обеспечивали сбыт своих произведений. Экономическая жизнь Товарищества строилась на кооперативных началах. В течение семи лет Василий Перов был членом правления Товарищества и покинул его ряды в результате творческих и идейных разногласий. В 1870 году за картины «Странник» и «Птицелов» Перов был удостоен Академией художеств звания профессора.

Большую популярность завоевала жанровая картина «Охотники на привале», написанная в 1871 году. Это полотно вместе с «Птицеловом» экспонировалось на Венской международной выставке в 1873 году. С 1871 года вплоть до смерти Перов преподаёт в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Среди его учеников — известные в будущем художники Михаил Нестеров, Андрей Рябушкин, Исак Левитан, братья Коровины.

В 1872 году Перов женился второй раз. Его супругой стала Елизавета Егоровна Драгунова (1850–1902), которая, по свидетельствам современников, была чудесной женщиной.

ГОГОЛЬ, ОСТРОВСКИЙ, ДОСТОЕВСКИЙ И ТУРГЕНЕВ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ

1870-е годы — период расцвета творчества Перова. В своих новых картинах художник выражает драматические коллизии, которыми переполнена современная социальная действительность. Его картины этого периода с успехом экспонировались на Всемирной художественной выставке в Париже. В это же время Василий Григорьевич обращается к портретному жанру. Художник пишет портреты представителей русской интеллигенции: филолога Владимира Даля, поэта Аполлона Майкова, писателя Александра

АМАЛИЯ ФОН КРЮДЕНЕР

Островского, историка и литератора Михаила Погодина, писателя Ивана Тургенева. Портрет писателя Фёдора Достоевского Крамской назвал одним из лучших портретов русской школы живописи.

В своих портретах Перов сумел обозначить новые для портретного искусства социально-психологические перспективы, он стремился воссоздать на холсте человека не только в его материальной конкретности, но и в неисчерпаемости его духовного мира. Он писал: «Что ни тип, что ни лицо, что ни характер, то особенность выражения всякого чувства. Глубокий художник тем и познаётся, что изучает, подмечает все эти особенности, и потому его произведение бессмертно, правдиво и жизненно». Перов оставил потомкам глубокие психологические портреты талантливейших людей своей эпохи. Тех, кем гордится Россия.

ВАСИЛИЙ ПЕРОВ. ТРОЙКА. УЧЕНИКИ МАСТЕРОВЫЕ ВЕЗУТ ВОДУ. 1866

ВАСИЛИЙ ПЕРОВ. СЕЛЬСКИЙ КРЕСТНЫЙ ХОД НА ПАСХЕ. 1861

В последние годы жизни Василий Перов сотрудничал в первом российском толстом научно-популярном журнале «Природа и охота», бессменным редактором которого был Леонид Сабанев — не кабинетный исследователь, не просто учёный-ихтиолог, а талантливый литератор-популяризатор, страстный рыболов, журналист-организатор. Ряд рассказов Перова был опубликован в «Художественном журнале», издававшемся в 1881–1887 годах писателем и критиком Николаем Александровым.

В конце 1881 года тиф и воспаление лёгких окончательно подорвали его здоровье. Скончался Василий Григорьевич Перов от чахотки в маленькой подмосковной больнице на территории усадьбы Кузьминки (ныне территория Москвы). Был похоронен на Даниловском кладбище. Позже его прах был перезахоронен на монастырском кладбище в Донском монастыре. На новой могиле художника был установлен памятник работы скульптора Алексея Евгеньевича Елецкого.

Чахотка, болезнь в то время неизлечимая, прервала творческий путь великого мастера. Маленькая больница в деревне Кузьминки под Москвой стала последним пристанищем живописца. Василия Перова один из его учеников называл «подлинным певцом скорби». И не зря: постоянными персонажами его жанровых картин были измученные крестьяне, голодные, замёрзшие или оплакивающие умерших родственников. Однако кисти Перова принадлежат не только социальные работы, но и целая портретная галерея, и картины на исторические сюжеты.

Известный писатель Дмитрий Григорович сказал: «Перов первый из художников познакомил нас с правдивым направлением в живописи, но, кроме того, Перов — живопи-

сец-поэт, позиция его — его задушевность». «Перова больше нет среди нас. Осталось его искусство, а в нём его большое сердце», — написал его ученик Михаил Нестеров (1862–1942), русский и советский художник, участник Товарищества передвижных выставок, а к концу жизни лауреат Сталинской премии первой степени.

Первый биограф художника Николай Собко (1851–1906), русский историк искусства, утверждал в своей книге «Василий Григорьевич Перов. Его жизнь и произведения»: «Перов — это Гоголь, Островский, Достоевский и Тургенев русской живописи, соединённые вместе».

Нисман Леонид (Leonid Niessmann) — доктор технических наук, профессор. Член правления и член президиума Международного совета российских соотечественников

«Совершенно секретно-Украина. Спецвыпуск»
№3(144) от 21.03.2018
Учредитель и издатель:
ООО «Совершенно секретно-Украина»

04080, г. Киев, ул. Фрунзе, 104, этаж 6, к. 27
Генеральный директор Алексей ВЛАДИМИРОВ
Свидетельство о государственной
регистрации печатного СМИ
КВ № 18954-7744 ПР
выдано Гос. регистрационной службой
Украины 02.03.2012
Адрес редакции/издателя:
04073, г. Киев, Курневский переулок, 17Г

Телефон редакции: (044) 207-97-11
e-mail: sovsec@sovsec.kiev.ua
Цена свободная
Реклама: тел./факс: (044) 207-97-11
При подготовке номера использованы
материалы международного
ежемесячника «Совершенно секретно»
e-mail: topsekretno@gmail.com
Тел./факс редакции: +7 (495) 544 30 37

Фонд Артема БОРОВИКА: www.fondartem.ru
Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.
Украинская редакция переписку с читателями не ведёт. Перепечатка только с разрешения «Совершенно секретно-Украина».
Редакция не несет ответственности за содер-

жание рекламы. Во всех случаях типографского брака обращаться в типографию ООО «Укрполиграфмедиа».

©«Совершенно секретно-Украина», 2018
Отпечатано в типографии
ООО «Укрполиграфмедиа», 04080,
г. Киев, ул. Фрунзе, 104А.
Тираж: 40000 экз. Заказ № 50-003

№ 3/346
МАРТ 2018

Клан Кастро в международной наркоторговле

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК/УКРАИНА

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ОСНОВАТЕЛИ ЮЛИАН СЕМЕНОВ И АРТЕМ БОРОВИК. ИЗДАЕТСЯ С 1989 ГО.

КТО ОНИ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДРУЗЬЯ

В ПРОДАЖЕ

УЖЕ

Свидетство
про держрегистрацію
Серія КВ,
№ 18953-7743ПР
від 02.03.2012р.

СПЕЦВЫПУСК
«Секреты спецслужб»

ОХОТА НА РАУЛЯ

ВОЙНА 8 СИРИЯ 13 ПЕРСОНА 22

МИРОТВОРЦЫ. ДОРОГО

РАЗГРОМ ЧВК

ДЕТСТВО ПЕТРУХИ

дома!

на работе

на природе

РАДИО

ПЯТНИЦА

У НАС ВСЕГДА
ПЯТНИЦА!

СЛУШАЙ, ЧТОБЫ ЗНАТЬ

ГОЛОС
СТОЛИЦЫ

106^{FM}

WWW.GS.FM